

Книга времени

Метод и тень

Современный роман

Yuai Choksahwat

Юай Чоксахват

Метод и тень

<https://litres.ru/74016754>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Лондоне, где туман скрывает улики, а привычка видеть поверхность мешает правде, он находит смысл в деталях. Его друг записывает случаи, которые начинаются с мелочи и заканчиваются разоблачением.

Пропавшие вещи, странные посетители, семейные тайны и преступления без крови — каждый эпизод проверяет логику, терпение и смелость назвать очевидное.

«Метод и тень» — цикл историй о наблюдении, выводе и цене знания, которое меняет чужую жизнь.

Юай Чоксахват

Метод и тень

Метод и тень

Yuai Choksahwat

Серия «Книга времени»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИЛЬИ МУРОМЦЕВА ***

Приключения Ильи Муромцева

(Автор)

Содержание

I. Скандал в Петербурге

II. Братство Лысых

III. Случай в Сети

IV. Тайна Выборгского района

V. Три СМС-ки

VI. Человек со шрамом

VII. Нефритовый браслет

VIII. Змеиная татуировка

IX. Палец курьера

X. Богатый вдовец

XI. Платиновая брошь

XII. Сосновые шишки

I. СКАНДАЛ В ПЕТЕРБУРГЕ

I.

Для Ильи Муромцева она всегда оставалась той самой Натальей. Я редко слышал, чтобы он называл ее иначе. В его сознании она превосходила всех остальных женщин. Дело не в том, что он испытывал к Наталье Беловой нечто похожее на любовь. Любые эмоции, особенно эта, были чужды его холодному, четкому, но удивительно сбалансированному разуму. Он был, как мне кажется, самым совершенным инструментом анализа и наблюдения, который когда-либо существовал, но в роли влюбленного он выглядел бы нелепо. Он никогда не говорил о нежных чувствах, разве что с иронией и сарказмом. Они были интересны для наблюдателя — прекрасны для раскрытия мотивов и поступков людей. Но для тренированного ума допустить такие вторжения в его собственную тонкую и точно настроенную натуру означало внести отвлекающий фактор, который мог бы повлиять на все его умственные выводы. Пыль в микроскопе или трещина в его мощном объективе не были бы столь разрушительны, как сильные эмоции для такого человека, как он. И все же для него существовала только одна женщина, и это была покойная Наталья Белова, с неоднозначной и скандальной репутацией.

В последнее время я редко виделся с Муромцевым. Мой брак нас разделил. Мое личное счастье и семейные заботы, которые окружают человека, впервые ставшего хозяином своего дома, полностью поглотили меня, в то время как Муромцев, всей своей душой не любивший любые прояв-

ления общества, оставался в своей квартире на Петроградке, утопая в своих старых делах, и постоянно переключался между энергетиками и азартом, между усталостью от работы и бурной энергией своей собственной острой натуры. Он по-прежнему был увлечен расследованием преступлений и использовал свои огромные способности и необычайную наблюдательность, чтобы находить улики и раскрывать тайны, которые официальная полиция считала неразрешимыми. Иногда я слышал отрывочные рассказы о его делах: о его вызове в Ростов по делу об убийстве депутата, о раскрытии им странной трагедии братьев Козловых в Сочи и, наконец, о миссии, которую он успешно выполнил для семьи крупного бизнесмена. Однако, кроме этих упоминаний о его деятельности, о которых я узнавал из новостей, я мало что знал о своем прежнем друге и товарище.

Вечером двадцать второго сентября две тысячи двадцать четвертого года я возвращался от пациента – после долгого перерыва я снова занялся частной практикой – и мой путь пролегал по Тверской улице. Проходя мимо знакомого подъезда старого дома, который навсегда ассоциировался у меня с запутанным делом о подмене лекарств, меня вдруг охватило сильное желание вновь увидеться с Игнатом и узнать, как он применяет свои необычайные аналитические способности. Окна его квартиры ярко светились, и, подняв голову, я заметил, как его высокая, худощавая фигура дважды мелькнула темным силуэтом на фоне занавески. Он быстро и нерв-

но ходил по комнате, опустив голову и заложив руки за спину. Зная все его привычки и особенности, я сразу понял – он снова за работой. Вырвался из омота своих размышлений и взялся за решение какой-то новой головоломки. Я нажал кнопку домофона, и вскоре меня уже пустили в квартиру, часть которой когда-то была и моей.

Он не встретил меня с излишним радушием. Впрочем, он редко это делал. Но, думаю, он был рад моему визиту. Не произнеся почти ни слова, лишь бросив на меня быстрый, добрый взгляд, он указал на кресло, небрежно кинул в мою сторону коробку с сигариллами и показал на мини-бар и увлажнитель воздуха в углу. Затем он встал перед окном и окинул меня своим пронизательным взглядом.

– Брак вам к лицу, – заметил он. – По моим подсчетам, с нашей последней встречи вы набрали около четырех килограммов.

– Три, – поправил я.

– Возможно, я немного преувеличил. Совсем немного, полагаю. И снова практикуете, как я вижу. Вы не говорили мне, что планируете вернуться к работе.

– Но как ты узнал?

– Я вижу, я делаю выводы. Как я узнал, что вы недавно попали под сильный дождь, и что у вас крайне неаккуратная домработница?

– Игнат, – воскликнул я, – это уже чересчур. Если бы ты жил несколько веков назад, тебя бы точно обвинили в кол-

довстве. Да, в прошлый вторник я ездил за город и вернулся домой промокшим до нитки, но я сразу же переоделся, и я не представляю, как ты об этом догадался. А что касается Светланы, она просто неисправима, и моя жена собирается ее уволить, но и тут я не понимаю, как ты это вычислил.

Он усмехнулся и потер свои длинные, тонкие пальцы.

– Все элементарно, – ответил он. – Мои глаза видят, что на внутренней стороне вашего левого ботинка, прямо там, куда падает свет, видны семь почти параллельных царапин. Очевидно, их оставил кто-то, кто очень небрежно пытался очистить края подошвы от засохшей грязи. Отсюда мой вывод о том, что вы попали под дождь, и что у вас крайне нерадивая домработница, любящая портить обувь. Что касается вашей практики, если джентльмен входит в мою квартиру, от него пахнет хлоргексидином, на правом указательном пальце заметно небольшое пятно от зеленки, а на правой стороне его сумки виден отпечаток от стетоскопа, я должен быть полным идиотом, если не догадаюсь, что он снова активно занимается медициной.

Я не смог сдержать смех, слушая, как просто он объяснял свои умозаключения.

– Когда ты все это рассказываешь, – заметил я, – кажется, что это элементарно, и я бы тоже мог так, хотя каждый раз, когда ты берешься за дело, я в полном недоумении, пока ты все не разжуешь. И все же, думаю, у меня зрение не хуже твоего.

– Вполне возможно, – ответил он, прикуривая электронную сигарету и откидываясь на спинку офисного кресла. – Ты смотришь, но не видишь. Разница колоссальна. Например, ты часто видел ступеньки, ведущие с первого этажа в наш офис.

– Конечно.

– Как часто?

– Ну, сотни раз.

– И сколько их?

– Сколько? Не знаю.

– Вот именно! Ты не видел. А только смотрел. В этом вся суть. А я знаю, что их восемнадцать, потому что я и смотрел, и видел. Кстати, раз уж тебе интересны эти мои маленькие головоломки и ты снисходишь до того, чтобы записывать мои незначительные приключения, то, возможно, тебя заинтересует и это. – Он протянул мне лист плотной бумаги кремового оттенка, лежавший на столе. – Пришло сегодня с курьером, – сказал он. – Прочти вслух.

Записка была без даты, без подписи и без обратного адреса.

«Сегодня вечером в 19:15 к вам прибудет, – говорилось в ней, – господин, желающий получить консультацию по вопросу исключительной важности. Ваши недавние успехи в деле одного из крупных бизнесменов показали, что вам можно доверить дела, важность которых сложно переоценить. Таковы сведения о вас, полученные нами из разных источ-

ников. Будьте дома в это время и не удивляйтесь, если ваш гость будет в маске».

– Это действительно странно, – заметил я. – Что это может значить?

– Пока недостаточно информации. Самая большая ошибка – строить теории, не имея фактов. Не успеешь оглянуться, как начнешь подгонять факты под теории, вместо того чтобы строить теории на основе фактов. Но сама записка... Что ты можешь о ней сказать?

Я внимательно изучил почерк и бумагу, на которой она была напечатана.

– Человек, который ее написал, явно не бедствует, – заметил я, пытаясь подражать методам моего друга. – Такая бумага стоит недешево. Она очень плотная и качественная.

– Качественная – это верное слово, – сказал Артем. – Это не российская бумага. Посмотри на просвет.

Я поднял лист к лампе и увидел водяной знак: крупную «А» с маленькой «л», «К» и крупную «С» с маленькой «о», вплетенные в структуру бумаги.

– Что ты из этого можешь заключить? – спросил Артем.

– Имя производителя, очевидно; или, скорее, его логотип.

— Ерунда. «Г» с маленькой «т» – это «Госкорпорация», сокращение, как у нас «ООО». «Б» – безусловно, «Бумага». А вот «Эг»... Сейчас посмотрим в реестре предприятий. — Аркадий Петрович достал с полки толстенный том. — Эгестад... Эгерман... Ага, вот: Эгрмонт. Это в Калужской об-

ласти, недалеко от Обнинска. «Известен своими научными институтами и предприятиями точной механики». Ха! Что скажете, юноша? — Его глаза блеснули, и он выпустил густое облако дыма от своей сигары.

— Значит, бумага оттуда, — сказал я.

— Именно. И писавший записку, скорее всего, местный. Вы заметили странный оборот: «Ваш послушной список нам стал известен со всех сторон»? Так мог написать только человек, привыкший к бюрократическому стилю. Француз или итальянец так не напишет. Значит, осталось выяснить, что нужно этому калужанину, который пишет на эгрмонтской бумаге и прячет лицо под маской. И, кажется, он сам идет, чтобы развеять наши сомнения.

В этот момент послышался визг тормозов и скрежет шин об асфальт, а затем резкий звонок в домофон. Аркадий Петрович присвистнул.

— Машина, судя по звуку, представительского класса, — сказал он. — Да, — продолжал он, выглядывая в окно. — Черный «Майбах», свежая модель. В этом деле явно замешаны большие деньги, если не что-то большее.

— Мне, наверное, лучше уйти, Аркадий Петрович.

— Ни в коем случае, Дмитрий. Оставайтесь. Без моего верного летописца я как без рук. К тому же, обещает быть интересно. Нельзя такое пропускать.

— Но ваш клиент...

— Не беспокойтесь о нем. Мне может понадобится ваша

помощь, да и ему тоже. Вот он идет. Садитесь в кресло и будьте внимательны.

Тяжелые шаги, раздающиеся на лестнице и в коридоре, затихли у самой двери. Затем последовал громкий, настойчивый стук.

— Войдите! — крикнул Аркадий Петрович.

В комнату вошел мужчина ростом никак не меньше двух метров, с фигурой атлета. Его одежда была роскошной, даже вызывающей. мех соболя обрамлял воротник и манжеты дорогого кожаного пальто, а на плечах был накинут кашемировый плащ цвета морской волны, застегнутый у шеи массивной золотой брошью в виде двуглавого орла. Дорогие итальянские ботинки из крокодиловой кожи завершали образ человека, привыкшего к роскоши. В руке он держал широкополую шляпу, а лицо до скул скрывала черная медицинская маска, которую он, видимо, только что надел, так как его рука все еще была поднята к ней. По нижней части лица можно было судить, что это человек волевой, с толстыми губами и выдающимся подбородком, говорящим об упрямстве и решительности.

– Вы получили моё сообщение в Телеграме? – спросил он, голос звучал низко, с ощутимым прибалтийским акцентом. – Я предупредил, что приеду. – Он обвёл нас взглядом, словно не решаясь, к кому обратиться.

– Прошу, присаживайтесь, – предложил Олег. – Это мой друг и коллега, доктор Андрей Смирнов, он часто помогает

мне в моих расследованиях. С кем имею честь беседовать?

– Можете называть меня господин фон Крамер, я из старинного остзейского рода. Полагаю, ваш друг – человек чести и рассудительности, которому можно доверить деликатное дело. В противном случае, я предпочёл бы говорить с вами наедине.

Я уже привстал, собираясь выйти, но Олег жестом остановил меня и усадил обратно. – Либо оба, либо никто, – заявил он. – Можете говорить при Андрее всё, что сказали бы мне.

Фон Крамер пожал плечами. – Тогда начну с того, – произнёс он, – что обязую вас обоих хранить молчание в течение двух лет. По истечении этого срока информация теряет актуальность. Сейчас же, без преувеличения, могу сказать, что дело касается вопросов государственной важности и может повлиять на международные отношения.

– Обещаю, – ответил Олег.

– И я, – подтвердил я.

– Прошу прощения за эту маску, – продолжил наш необычный гость. – Высокопоставленная особа, которая меня наняла, желает остаться неизвестной. Признаюсь сразу, титул, которым я представился, не совсем мой.

– Я догадывался, – сухо заметил Олег.

– Обстоятельства крайне щекотливы, и необходимо принять все меры предосторожности, чтобы предотвратить скандал, который может серьёзно скомпрометировать одну влиятельную семью. Говоря прямо, речь идёт о доме Раз-

умовских, потомственных графах и видных политиках.

– Мне это известно, – пробормотал Олег, устраиваясь поудобнее в кресле и прикрывая глаза.

Наш посетитель с удивлением посмотрел на расслабленную фигуру человека, которого ему, несомненно, представляли как самого проницательного аналитика и эффективного специалиста в стране. Олег медленно открыл глаза и взглянул на своего крупного клиента.

– Если бы вы, господин, соизволили изложить суть дела, – заметил он, – я бы лучше понимал, как вам помочь.

Человек вскочил с кресла и начал нервно расхаживать по комнате. Затем, с отчаянным жестом, сорвал маску и бросил её на пол. – Вы правы, – воскликнул он, – я – Разумовский. Зачем мне это скрывать?

– Действительно, зачем? – пробормотал Олег. – Вы не успели и слова сказать, как я понял, что имею дело с Кириллом Игоревичем Разумовским, крупным бизнесменом и влиятельным политиком.

«Но вы должны понять, — проговорил наш необычный гость, вновь усаживаясь и проводя ладонью по высокому, бледноватому лбу, — вы должны понимать, что я не привык лично заниматься подобными вопросами. Но ситуация настолько щепетильная, что я не мог доверить её своему помощнику, не поставив себя в зависимость от него. Я прилетел из Берлина под чужим именем, чтобы получить вашу консультацию».

«Тогда, пожалуйста, консультируйтесь, — ответил Орлов, вновь прикрывая глаза.

«Суть дела такова: примерно пять лет назад, во время продолжительной командировки в Минск, я познакомился с одной известной аферисткой, Инной Волковой. Это имя, уверен, вам что-то говорит».

«Доктор, поищите её в моей базе данных, пожалуйста, — пробормотал Орлов, не открывая век. Он уже много лет использовал систему регистрации всех сведений, касающихся людей и событий, так что трудно было назвать тему или человека, о котором он не смог бы быстро предоставить информацию. В данном случае я нашёл её досье, втиснутое между биографией раввина и отчётом подполковника, написавшего диссертацию о применении дронов-камикадзе.

«Дайте взглянуть! — произнёс Орлов. — Хм! Родилась в Смоленске в 1989 году. Модель, актриса, блогер — хм! Снималась в рекламе криптобиржи — да! Уехала из России — ха! Живёт в Дубае — совершенно верно! Ваше Величество, насколько я понимаю, были связаны с этой дамой, отправили ей несколько компрометирующих сообщений и теперь хотите их вернуть».

«Именно так. Но как вы...»

«Был ли заключён тайный брак?»

«Нет».

«Какие-либо юридические документы или расписки?»

«Нет».

«Тогда я не понимаю, Ваше Величество. Если эта дама предъявит ваши сообщения для шантажа или иных целей, как она докажет их подлинность?»

«Там есть мой стиль общения».

«Ерунда! Подделка».

«Мой личный аккаунт в Telegram».

«Взломан».

«Моя цифровая подпись».

«Скопирована».

«Там есть наши совместные селфи».

«О, Боже! Это очень плохо! Ваше Величество действительно совершили глупость».

«Я был ослеплён — помешан».

«Вы серьёзно себя скомпрометировали».

«Тогда я ещё не был губернатором. Я был молод. Сейчас мне всего тридцать пять».

«Это должно быть возвращено».

«Мы пытались, и у нас ничего не вышло».

«Ваше Величество должны заплатить. Это нужно выкупить».

«Она не продаст».

«Тогда украсть».

«Было предпринято пять попыток. Дважды нанятые хакеры взламывали её облачное хранилище. Однажды мы перехватили её телефон во время перелёта. Дважды на неё устраивали кибератаки. Результата ноль».

«Никаких следов?»

«Совершенно никаких».

Орлов усмехнулся.

«Это довольно интересная задача, — сказал он.

«Но очень серьёзная для меня, — с укоризной ответил губернатор.

«Действительно. И что она намерена делать с этими селфи?»

«Уничтожить меня».

«Но как?»

«Я собираюсь жениться».

«Я слышал об этом».

«На Веронике Беловой, дочери влиятельного депутата Госдумы. Вы, вероятно, знаете строгие нравы её семьи. Она сама — воплощение скромности и порядочности. Тень сомнения в моей репутации поставит крест на моей карьере».

«А Инна Волкова?»

— Она грозитя слить компромат. И она это сделает, зуб даю. Ты её не знаешь, у неё внутри стальной стержень. Ангельская внешность и воля бульдога. Она скорее мир в труху превратит, чем позволит мне жениться на другой, — он замолчал, тяжело дыша. — Ни перед чем не остановится.

— Вы уверены, что она ещё не отправила?

— Абсолютно.

— Почему такая уверенность?

— Потому что она поклялась: отправит в день официаль-

ного объявления о помолвке. Это в следующий понедельник.

— О, тогда у нас в запасе целых три дня, — зевнул Максим. — Это весьма кстати, у меня как раз пара неотложных дел на носу. Ваше Высочество, вы пока останетесь в Москве?

— Естественно. Меня можно найти в Рэдиссон под именем господина Крутова.

— Тогда я дам вам знать, как продвигается дело.

— Умоляю, не затягивайте! Я места себе не нахожу.

— Что насчёт гонорара?

— Полный карт-бланш.

— В самом деле?

— Да я пол-области отдам, чтобы заполучить эту чёртову фотографию!

— А на текущие расходы?

Король достал из-под дорогого пальто увесистый замшевый кисет и положил его на стол.

— Здесь триста тысяч наличными и семьсот на карте, — произнёс он.

Максим быстро набросал расписку на листке из блокнота и протянул её гостю.

— И адрес этой дамы? — спросил он.

— Рублёвка, дом 28, коттеджный посёлок «Сосновый Бор».

Максим машинально записал адрес.

— Ещё один вопрос, — сказал он. — Фотография какого формата?

— Обычная, как в паспорте.

— Тогда спокойной ночи, Ваше Высочество. Надеюсь, скоро порадуем вас хорошими новостями. И вам спокойной ночи, Артём, — добавил он, когда колёса чёрного «Майбаха» прошуршали по мокрому асфальту. — Будьте добры, взгляните завтра после обеда, часа в три. Хочу с вами кое-что обсудить.

II.

Ровно в три часа я был на Тверской, но Максима ещё не было. Хозяйка квартиры сообщила, что он уехал рано утром, часов в восемь. Я устроился в кресле у камина, решив дождаться его, сколько бы времени это ни заняло. Я уже был поглощён этим делом. Пусть в нём и не было той мрачной таинственности, что окружала два предыдущих расследования, которые я описывал, но щекотливый характер ситуации и высокое положение клиента придавали ему особый вес. Помимо самого расследования, меня всегда восхищала гениальная логика Максима, его острое, пронизательное мышление. Мне доставляло истинное удовольствие наблюдать за его методами работы, следить за тем, как он распутывает самые сложные головоломки. Я настолько привык к его неизменному успеху, что сама мысль о возможной неудаче казалась мне нелепой.

Около шестнадцати часов дверь приоткрылась, и в комнату вошел некто, напоминающий сильно выпившего автомеханика: засаленная куртка, щетина, красное лицо, помятый

вид. Зная о талантах моего товарища к перевоплощениям, я не сразу понял, что это он. Коротко кивнув, он скрылся в соседней комнате, откуда через несколько минут вышел в дорогом итальянском костюме, элегантный, как всегда. Засунув руки в карманы брюк, он вытянул ноги к электрокамину и от души расхохотался.

– Ну, это просто умора! – воскликнул он, закашлялся и снова разразился смехом, пока не откинулся, обессиленный, на спинку кресла.

– Что случилось?

– Да просто до абсурда. Уверен, ты ни за что не догадаешься, как я провел утро и чем все обернулось.

– Даже представить не могу. Наверное, наблюдал за порядком и, возможно, за квартирой этой самой Вероники Орловой?

– Абсолютно верно, но продолжение оказалось весьма неожиданным. Сейчас расскажу. Я покинул дом около восьми утра в облике гастарбайтера-сантехника. Среди этих ребят существует удивительная солидарность и взаимопомощь. Вживаешься в роль, и узнаешь все, что нужно. Вскоре я обнаружил этот «Соловьиный домик». Это такая _bijou_ квартирка с небольшим палисадником, но дом стоит прямо у дороги, всего два этажа. На двери домофон с видеокамерой. Большая гостиная с панорамными окнами, хорошо обставлена, с жалюзи. С задней стороны ничего особенного, кроме того, что к окну на втором этаже можно добраться по пожар-

ной лестнице. Я обошел дом и внимательно осмотрел его со всех сторон, но ничего интересного не заметил.

Затем я неспешно прошелся по улице и, как и ожидал, обнаружил во дворе парковку. Я помог охранникам помыть пару машин и получил взамен двести рублей, стакан кофе из автомата, две сигареты и кучу информации о Веронике Орловой, не говоря уже о полудюжине других жильцов, к которым я не проявлял ни малейшего интереса, но чьи биографии я был вынужден выслушать.

– И что же Вероника Орлова? – спросил я.

– О, она покорила сердца всех мужчин в этом районе. Она самое обворожительное создание на этой планете. Так говорят в нашем ЖК, как один. Живет тихо, работает онлайн, ездит на своей машине каждый день в шесть и возвращается ровно в восемь к ужину. Редко выходит в другое время, разве что в магазин. У нее только один посетитель мужского пола, но зато какой! Он брюнет, красивый и уверенный в себе, навещает ее не меньше раза в день, а часто и дважды. Это господин Артем Соболев из юридической консультации. Вот вам и преимущества парковщика в качестве доверенного лица. Они видели, как он приезжал сюда десятки раз, и все о нем знают. Когда я выслушал все, что они могли рассказать, я снова начал прохаживаться возле «Соловьиного домика» и обдумывать свой план действий.

Этот Артем Игнатов, безусловно, играл какую-то роль в этой истории. Адвокат, как ни крути. Это наводило на нехо-

рошие мысли. Что их связывало, и с какой целью он так часто наведывался? Клиентка, приятельница, любовница? Если первое, то, возможно, она отдала ему фото на хранение. Если последнее, то это менее вероятно. От ответа на этот вопрос зависело, продолжу ли я наблюдение за "Вишневым садом", или переключусь на офис этого господина в "Москва-Сити". Момент щекотливый, и он расширял круг моих поисков. Боюсь, я утомляю вас этими деталями, но я должен показать вам свои маленькие трудности, если вы хотите понять всю картину.

— Я внимательно слушаю, — ответил я.

Я все еще обдумывал этот вопрос, когда к "Вишневому саду" подъехал черный внедорожник, и из него выскочил мужчина. Очень видный, брюнет, с гордым профилем и ухоженными усами – явно тот самый, о ком я слышал. Он явно торопился, скомандовал водителю ждать и проскользнул мимо консьержки, открывшей дверь, как человек, чувствующий себя здесь как дома.

"Он пробыл в квартире около получаса, и я видел его в окнах гостиной – ходил из угла в угол, что-то горячо говорил, размахивал руками. Ее я не видел. Вскоре он вышел, еще более взволнованный, чем прежде. Подходя к машине, он достал из кармана золотой "Ролекс" и посмотрел на время. "Гони как сумасшедший, - крикнул он, - сначала к "Бриони" на Кузнецком мосту, а потом к храму Святой Варвары на Шаболовке. Пять тысяч сверху, если успеешь за двадцать

минут!"

Они уехали, и я как раз думал, не последовать ли за ними, когда к подъезду подкатил аккуратный электрокар, водитель в расстегнутой куртке и с криво завязанным галстуком, а ремень безопасности болтался непристегнутым. Она выскочила из подъезда и запрыгнула в машину. Я лишь мельком увидел ее, но она была ослепительной красоты, женщина, ради которой можно было пойти на все.

"К храму Святой Варвары, Петр, - воскликнула она, - и тысяча сверху, если доберешься туда за двадцать минут!"

Такой шанс нельзя было упустить, Василий. Я колебался, бежать ли за ней, или пристроиться следом, когда мимо проезжал "Яндекс.Такси". Водитель покосился на мой не самый презентабельный вид, но я запрыгнул внутрь, прежде чем он успел возразить. "К храму Святой Варвары, - сказал я, - и тысяча сверху, если успеешь за двадцать минут". Было без двадцати пяти двенадцать, и, конечно, было совершенно ясно, что происходит.

Шофер гнал как сумасшедший. Не уверен, что когда-либо ездил быстрее, но, видимо, кто-то уже успел побывать там до нас. У входа в храм стояли такси и дорогая иномарка, от которой валил пар, когда я приехал. Расплатившись с водителем, я поспешил внутрь. Кроме тех двоих, за которыми я ехал, и батюшки в облачении, что-то им втолковывающего, больше никого не было. Все трое стояли кучкой перед алтарем. Я не спеша прошелся по боковому приделу, как обыч-

ный прохожий, случайно зашедший в церковь. Вдруг, к моему изумлению, все трое у алтаря обернулись ко мне, и Герман Нортвов бросился ко мне со всех ног.

— Слава Богу! — воскликнул он. — Вы нам подойдете! Скорее! Скорее!

— Что случилось? — спросил я.

— У нас всего три минуты, иначе все пропало!

Меня почти силой потащили к алтарю, и, не успев я опомниться, как уже бормотал ответы, которые мне шептали на ухо, клялся в вещах, о которых понятия не имел, и всячески способствовал заключению брака между Инной Адлер, незамужней, и Германом Нортвовым, холостяком. Все произошло в мгновение ока, и вот уже джентльмен благодарит меня с одной стороны, а леди — с другой, а священник сияет передо мной. Это была самая абсурдная ситуация, в которой я когда-либо оказывался, и именно воспоминание об этом заставило меня сейчас усмехнуться. Оказывается, в их свидетельстве о браке была какая-то ошибка, и священник наотрез отказался венчать их без свидетеля, и мое счастливое появление избавило жениха от необходимости бегать по улице в поисках шафера. Невеста дала мне золотой слиток, и я собираюсь носить его на цепочке от ключей в память об этом случае.

— Весьма неожиданный поворот, — сказал я, — и что дальше?

— Мои планы оказались под угрозой срыва. Казалось,

что пара может немедленно уехать, и поэтому потребуются очень быстрые и энергичные действия с моей стороны. Однако у дверей храма они расстались: он поехал обратно в офис, а она – к себе домой. "Я, как обычно, поеду гулять в парк в пять часов", – сказала она, прощаясь с ним. Больше я ничего не слышал. Они уехали в разные стороны, а я отправился заниматься своими делами.

— Какими именно?

— Немного бутербродов и чашка кофе, — ответил он, нажимая кнопку вызова. — Я был слишком занят, чтобы думать о еде, и, вероятно, буду еще более занят сегодня вечером. Кстати, Артем, мне понадобится ваша помощь.

— Всегда рад помочь.

— Вы не возражаете против нарушения закона?

— Нисколько.

— И против риска быть задержанным?

— Не ради благого дела.

— О, дело превосходное!

— Тогда я ваш человек.

— Я был уверен, что могу на вас рассчитывать.

— Но что именно вы хотите?

— Как только Валентина принесет нам обед, я все тебе объясню, – сказал Артем, с жадностью набрасываясь на гречневую кашу, приготовленную нашей квартирной хозяйкой. – Сейчас мне нужно обсудить детали, пока ем, потому что времени в обрез. Уже почти пять. Через два часа мы должны

быть на месте. Госпожа Светлана, или, скорее, как ее теперь называют, придет с дачи к семи. Нам нужно быть у ее дома, в коттеджном поселке «Сосновый Бор», чтобы ее встретить.

– И что дальше?

– Дальше – моя забота. Я все продумал. Есть только один момент, на котором я настаиваю. Ни при каких обстоятельствах не вмешивайся. Понял?

– То есть, я должен оставаться в стороне?

– Именно. Ничего не предпринимай. Скорее всего, возникнет небольшая заминка. Не вмешивайся. В конечном итоге, меня проведут в дом. Через пару минут откроется окно гостиной. Ты должен занять позицию рядом с этим окном.

– Хорошо.

– Ты должен наблюдать за мной, потому что я буду в поле твоего зрения.

– Понял.

– И когда я подниму руку – вот так, – ты бросишь в комнату то, что я тебе дам, и одновременно поднимешь крик о пожаре. Уяснил?

– Абсолютно.

– Это не что-то опасное, – сказал он, доставая из кармана продолговатый предмет, похожий на толстую сигару. – Обычная дымовая шашка, такие используют газовщики, с запалом с обеих сторон. Твоя задача – только это. Когда ты закричишь о пожаре, тебя поддержат другие люди. Потом ты можешь пройти до конца улицы, я присоединюсь к тебе ми-

нут через десять. Надеюсь, я объяснил достаточно ясно?

– Я должен оставаться в стороне, подойти к окну, наблюдать за тобой и по сигналу бросить эту штуку, затем закричать о пожаре и ждать тебя на углу улицы.

– Именно так.

– Тогда можешь на меня рассчитывать.

– Отлично. Думаю, мне пора начинать готовиться к новой роли, которую мне предстоит сыграть.

Он исчез в своей комнате и через несколько минут вернулся в образе добродушного и скромного сельского учителя. Широкие очки в роговой оправе, старомодный пиджак, повязанный на шее платок, располагающая улыбка и общий вид наивного и благожелательного любопытства были выше всяких похвал. Дело было не просто в том, что Артем переодевался. Его выражение лица, его манеры, сама его сущность, казалось, менялись с каждой новой ролью, которую он брал на себя. Сцена потеряла гениального актера, а наука – блестящего аналитика, когда он стал заниматься расследованиями.

Было около половины седьмого вечера, когда мы вышли из моего подъезда, и еще оставалось минут десять до семи, когда мы оказались на улице Академика Королева. Уже темнело, только-только зажглись фонари, и мы начали прохаживаться туда-сюда перед домом номер тридцать два, ожидая появления его хозяйки. Дом оказался именно таким, каким я его себе представлял по краткому описанию Игоря Сергее-

вича, но вот местность вокруг оказалась не такой уж и тихой, как я ожидал. Напротив, для маленькой улочки в спальном районе здесь было на удивление оживленно. У угла дома курила и громко смеялась компания подростков, уличный музыкант настраивал свой синтезатор, двое курсантов военного училища флиртовали с девушкой, выгуливающей собаку, а несколько модно одетых молодых людей неспешно прогуливались взад и вперед, держа в зубах электронные сигареты.

– Видите ли, – заметил Игорь Сергеевич, пока мы ходили туда-сюда перед домом, – этот брак скорее упрощает задачу. Фотография теперь становится палкой о двух концах. Весьма вероятно, что она так же не захочет, чтобы ее увидел господин Кирилл Петрович, как наш клиент не хочет, чтобы она попала на глаза его супруге. Теперь вопрос в том, где нам найти эту фотографию?

– И где же?

– Маловероятно, что она носит ее с собой. Она размером с альбомный лист. Слишком большая, чтобы ее можно было легко спрятать в женской сумочке. Она знает, что муж способен устроить ей внезапную проверку и обыскать. Уже были предприняты две попытки такого рода. Поэтому мы можем предположить, что она не носит ее с собой.

– Тогда где же?

– У ее банкира или адвоката. Есть такая вероятность. Но я склоняюсь к мысли, что ни то, ни другое. Женщины по своей природе скрытны и любят сами хранить свои секреты. За-

чем ей передавать это кому-то другому? Она могла доверять только своей опеке, но она не могла знать, какое косвенное или политическое влияние может быть оказано на делового человека. Кроме того, помните, что она решила использовать ее в течение нескольких дней. Значит, она должна быть там, где она может до нее дотянуться. Она должна быть в ее собственном доме.

– Но ее дважды обворовывали.

– Ерунда! Они не умели искать.

– Но как будете искать вы?

– Я не буду искать.

– А что тогда?

– Я заставлю ее показать мне.

– Но она откажется.

– Она не сможет. Но я слышу шум мотора. Это ее машина.

Теперь выполняйте мои инструкции в точности.

Когда он говорил, отблеск фар проезжающей машины скользнул по углу дома. Это был новенький кроссовер, который притормозил у ворот ЖК "Соловьиная Роща". Как только он остановился, один из охранников, скучавших у шлагбаума, рванулся к двери, надеясь получить щедрые чаевые, но был оттолкнут другим, таким же желающим подзаработать. Вспыхнула короткая перебранка, к которой присоединились двое курьеров, решивших поддержать одного из охранников, и уборщица, яростно отстаивавшая другую сторону. Прозвучал грубый толчок, и в мгновение ока женщина,

выходящая из машины, оказалась в центре небольшой кучи разъяренных мужчин, осыпавших друг друга ударами и ругательствами.

Дмитрий бросился в толпу, чтобы защитить женщину, но, как только он добрался до нее, он вскрикнул и упал на асфальт, из рассеченной брови обильно текла кровь. При его падении курьеры бросились наутек в одну сторону, а охранники – в другую, в то время как несколько жильцов, наблюдавших за дракой, но не принимавших в ней участия, столпились, чтобы помочь женщине и оказать помощь пострадавшему. Вероника Игоревна, как я ее все еще буду называть, быстро поднялась по ступенькам крыльца, но остановилась наверху, ее высокая фигура четко вырисовывалась на фоне света из подъезда, бросив взгляд на улицу.

— Бедный мужчина сильно пострадал? — спросила она с тревогой в голосе.

— Он мертв! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Нет, нет, он жив! — возразил другой. — Но он умрет, пока его доведут до больницы.

— Он смелый, — сказала женщина. — Они бы украли сумку и телефон у леди, если бы не он. Это были хулиганы, да еще и пьяные. Ах, он дышит сейчас.

— Он не может лежать на улице. Можем мы внести его, Вероника Игоревна?

— Конечно. Внесите его в мою квартиру. Там удобный диван. Сюда, пожалуйста!

Медленно и осторожно его внесли в квартиру Вероники Игоревны и положили в гостиной, а я все еще наблюдал за происходящим со своего поста у окна соседнего дома. В квартире зажгли свет, но шторы не были задернуты, так что я мог видеть Дмитрия, лежащего на диване. Я не знаю, испытывал ли он в тот момент угрызения совести за ту роль, которую он играл, но я знаю, что мне никогда в жизни не было так стыдно за себя, как когда я увидел прекрасную женщину, против которой я замышлял, и ту заботу и доброту, с которой она ухаживала за раненым. И все же это было бы чернейшим предательством по отношению к Дмитрию — отступить сейчас от той роли, которую он мне поручил. Я собрался с духом и достал заранее приготовленный муляж дымовой шашки из кармана куртки. В конце концов, подумал я, мы не причиняем ей вреда. Мы лишь предотвращаем ее от причинения вреда другим.

Артем резко сел на диване, всем своим видом показывая, что ему не хватает воздуха. Светлана, горничная, тут же подбежала и распахнула окно. В тот же миг Артем вскинул руку, и по этому сигналу я швырнул дымовую шашку в комнату, заорав: «Горим!» Не успел я договорить, как вся толпа зевак – прилично одетые и оборванцы, водители и уборщицы – подхватила крик: «Пожар!» Густая пелена дыма заполнила комнату и вырвалась наружу. Я успел заметить мелькающие силуэты, а через секунду услышал голос Артема изнутри, успокаивающего всех, что это ложная тревога. Протис-

нувшись сквозь орущую толпу, я пробрался за угол дома и через десять минут с облегчением почувствовал руку друга в своей руке. Мы поспешили уйти подальше от этого балагана. Он шел быстро и молча, пока мы не свернули в тихий переулок, ведущий к Ленинградскому шоссе.

«Ты отлично сработал, Игорь, – сказал он. – Лучше не придумашь. Все прошло как по маслу».

«У тебя есть фото?»

«Я знаю, где оно».

«И как ты это выяснил?»

«Она сама мне показала, как я и предполагал».

«Я все еще ничего не понимаю».

«Не хочу делать из этого секрет, – усмехнулся он. – Все элементарно. Ты ведь заметил, что все эти люди на улице – подставные? Их наняли на вечер».

«Догадывался».

«Так вот, когда началась вся эта кутерьма, у меня в руке была влажная красная краска. Я бросился вперед, упал, прижал руку к лицу и изобразил страдальца. Старый как мир прием».

«Это я тоже понял».

«Меня затащили внутрь. Она просто обязана была это сделать. Что ей оставалось? И в ее гостиную, которая, как я и думал, оказалась нужной комнатой. Она находится между той комнатой и ее спальней, и я должен был выяснить, в какой из них. Меня уложили на диван, я попросил открыть

окно, и у тебя появился шанс».

«И как это тебе помогло?»

– Это был критически важный момент. Когда женщина чувствует угрозу дому, ее инстинкт – спасти самое ценное. Это безусловный рефлекс, и я не раз этим пользовался. В деле с подменой документов у семьи Давыдовых это сработало, как и в истории с особняком Зубовых. Замужняя женщина хватается ребенка, незамужняя – драгоценности. Теперь я знал, что у нашей дамы нет ничего дороже, чем то, что мы ищем. Она бросится это спасти. Пожарная сигнализация сработала идеально. Дыма и криков хватило бы, чтобы сломить стальные нервы. Она отреагировала как надо. Фотография в нише за отодвигающейся панелью прямо над правым выключателем. Она была там мгновенно, и я успел увидеть ее, когда она наполовину вытащила фото. Когда я закричал, что это ложная тревога, она вернула ее на место, взглянула на дымовую шашку, выбежала из комнаты, и я больше ее не видел. Я встал, извинился и ушел. Я колебался, стоит ли сразу попытаться забрать фотографию, но вошел охранник и внимательно наблюдал за мной, поэтому показалось безопаснее подождать. Небольшая спешка может все испортить.

– И что теперь? – спросил я.

– Наш поиск почти завершен. Я заеду с господином завтра, и с вами, если хотите поехать. Нас проведут в гостиную, чтобы подождать хозяйку, но вполне вероятно, что когда она придет, она не найдет ни нас, ни фотографии. Ему будет при-

ятно вернуть ее своими руками.

– Во сколько заедете?

– В восемь утра. Она еще не встанет, так что у нас будет время. Кроме того, нужно действовать быстро, потому что этот брак может изменить ее жизнь и привычки. Я должен немедленно отправить сообщение господину.

Мы доехали до Тверской и остановились у дома. Он искал в карманах ключ, когда кто-то, проходя мимо, сказал:

– Доброй ночи, Артем Игоревич.

На улице было несколько человек, но приветствие, казалось, исходило от худощавого парня в куртке, который быстро прошел мимо.

– Я уже слышал этот голос, – сказал Артем, глядя на слабо освещенную улицу. – Интересно, кто это мог быть?

III.

Я ночевал у Артема на Тверской, и мы пили кофе утром, когда в комнату ворвался господин.

– Вы действительно достали ее! – воскликнул он, схватив Артема за плечи и заглядывая ему в лицо.

– Еще нет.

– Но у вас есть надежды?

– Есть надежды.

– Тогда едем. Я не могу ждать.

– Нам нужно такси.

– Нет, моя машина ждет.

– Тогда это упростит дело. – Мы спустились и снова от-

правились в ЖК "Новые Черемушки".

– Ирина Соколова замужем, – заметил Артем.

– Замужем! Когда?

– Вчера.

– Но за кого?

– За московского адвоката по имени Новиков.

– Но она не могла его любить.

– Я надеюсь, что любит.

– И почему вы надеетесь?

— Потому что это избавит вас, ваше величество, от ненужных волнений в будущем. Если женщина любит своего мужа, она не полюбит вас. А если она не любит вас, то у нее нет причин вмешиваться в ваши планы. Все просто.

— В этом есть логика. Но... эх! Жаль, что она не из моего круга! Какая бы получилась императрица! — Он замолчал, погрузившись в мрачные мысли, и не проронил ни слова до самой улицы Академика Королева.

Дверь в апартаменты на первом этаже была распахнута, а на крыльце стояла пожилая женщина в платке. Она смотрела на нас с нескрываемой насмешкой, когда мы выходили из "Ауруса".

— Вы, должно быть, господин Игнатов? — спросила она.

— Я Игнатов, — ответил мой спутник, удивленно и вопросительно глядя на нее.

— Вот как! Хозяйка говорила, что вы, вероятно, появитесь. Она уехала сегодня утром с супругом на "Сапсане" в

5:15 с Ленинградского вокзала, в Европу.

— Что?! — Игнатов отшатнулся, побледнев от досады и неожиданности. — Вы хотите сказать, она покинула страну?

— Навсегда.

— А компромат? — прохрипел император. — Все пропало?

— Посмотрим, — сказал Игнатов, оттолкнул домработницу и ворвался в гостиную, за ним последовали император и я. В комнате царил хаос: вещи были разбросаны, книги вывалены из шкафов, ящики стола выдвинуты, словно женщина в спешке что-то искала перед бегством. Игнатов бросился к розетке за диваном, оторвал декоративную накладку и, запустив руку, вытащил флешку и конверт. На флешке была фотография Елены в вечернем платье, конверт был адресован "Господину Игнатову, до востребования". Мой друг вскрыл его, и мы все трое прочитали письмо. Оно было датировано полуночью предыдущей ночи:

"ДОРОГОЙ ГОСПОДИН ИГНАТОВ, — Вы действительно сыграли свою роль превосходно. Вы меня почти обманули. До момента с ложной тревогой я ни о чем не подозревала. Но потом, когда я поняла, что выдала себя, я начала анализировать ситуацию. Меня предупреждали о вас несколько месяцев назад. Мне сказали, что если император наймет частного детектива, то это, несомненно, будете вы. И мне даже дали ваш адрес. И все же, несмотря на это, вы заставили меня раскрыть то, что вам было нужно. Даже после того, как

у меня закрались подозрения, мне было трудно думать плохо о таком милом, добром старичке-сантехнике. Но, знаете ли, я в прошлом работала в театре. Переодевания для меня не новинку. Я часто пользуюсь свободой, которую они дают. Я попросила водителя проследить за вами, а сама побежала наверх, переделась в свой обычный костюм, и спустилась вниз как раз в тот момент, когда вы уходили.

Итак, я проследовала за вами до вашего дома и таким образом убедилась, что действительно представляю интерес для знаменитого господина Игнатова. Затем я, довольно неосмотрительно, пожелала вам спокойной ночи и отправилась в "Москва-Сити", чтобы встретиться со своим мужем.

Мы с ней пришли к выводу, что в ситуации преследования столь серьезным противником, лучший выход – это бегство. Завтра утром вы обнаружите, что гнездо опустело. Что касается фотографии, то ваш клиент может спать спокойно. Я люблю и любима человеком, который гораздо лучше его. Король может делать все, что ему вздумается, не опасаясь противодействия со стороны той, кого он так жестоко обидел. Я сохранила эту фотографию исключительно для собственной безопасности, как оружие, которое всегда защитит меня от любых его будущих действий. Оставляю фотографию, которой он так жаждет обладать.

Искренне ваша,

ИРИНА НОРТОВА, в девичестве АДЛЕРОВА.

– Какая женщина! – воскликнул Ярослав Игоревич, когда

мы втроем закончили читать это послание. – Я же говорил вам, насколько она умна и решительна! Разве она не стала бы идеальной женой? Как жаль, что она не моего круга!

– Судя по тому, что я успел заметить в этой даме, она действительно стоит на совершенно ином уровне, чем ваше величество, – сухо заметил Олег. – Мне очень жаль, что я не смог довести ваше дело до более успешного завершения.

– Напротив, мой дорогой друг, – воскликнул Ярослав, – все прошло более чем успешно! Я уверен, что ее слово – закон. Фотография теперь в такой же безопасности, как если бы она сгорела в огне.

– Рад слышать, что вы так считаете.

– Я вам безмерно благодарен. Пожалуйста, скажите, чем я могу вас отблагодарить. Вот, возьмите это кольцо... – Он снял с пальца массивное кольцо с изумрудом в форме змеи и протянул его на открытой ладони.

– У вас есть кое-что, что я оценил бы гораздо выше, – ответил Олег.

– Просто назовите это.

– Фотографию!

Ярослав Игоревич уставился на него в полном изумлении.

– Фотографию Ирины! – воскликнул он. – Конечно, если вы этого хотите.

– Благодарю вас. В таком случае, в этом деле больше ничего не требуется. Имею честь пожелать вам доброго утра. – Он поклонился и, отвернувшись, не обратил внимания на

протянутую руку короля, и направился в сопровождении в свои апартаменты.

Вот так громкий скандал едва не затронул правительство, и лучшие планы Олега были разрушены женским умом. Раньше он любил иронизировать над женской логикой, но в последнее время я этого не замечал. И когда он говорит об Ирине Нортовой или упоминает ее фотографию, то всегда с уважительным тоном – та самая женщина.

II. ДЕЛО О РЫЖИХ

Однажды осенью прошлого года я зашел к своему приятелю Олегу и застал его в оживленной беседе с очень полным, румяным мужчиной средних лет с ярко-рыжими волосами. Извинившись за то, что помешал, я уже собирался уйти, но Олег резко втянул меня в комнату и закрыл за мной дверь.

– Вы пришли как раз вовремя, Артем, – сердечно сказал он.

– Я боялся, что вы заняты.

– Так и есть. Очень.

– Тогда я могу подождать в соседней комнате.

«Вовсе нет. Господин Игнатов был моим надежным коллегой и соратником во многих сложных расследованиях, и я уверен, что его опыт будет полезен и в вашем деле».

Полный мужчина слегка приподнялся со своего места и кивнул в знак приветствия, бросив быстрый взгляд из-под маленьких, утопающих в щеках глаз.

«Присаживайтесь на диван, – произнес Орлов, откинув-

шись в кресле и сложив кончики пальцев вместе, как он обычно делал, когда собирался вынести суждение. – Мой дорогой Петров, я знаю, что вы разделяете мою страсть ко всему необычному, выходящему за рамки привычной рутины. Ваша готовность описывать, и, смею заметить, несколько приукрашивать мои скромные расследования, говорит сама за себя».

«Ваши дела всегда представляли для меня огромный интерес», – ответил я.

«Как раз перед тем, как мы занялись довольно простым делом, представленным нам гражданкой Соколовой, я заметил, что самые невероятные события и странные совпадения нужно искать в самой жизни, которая всегда превосходит любое воображение».

«Позволю себе усомниться в этом утверждении».

«Вы вправе сомневаться, Петров, но я уверен, что рано или поздно вы согласитесь с моей точкой зрения, иначе я буду продолжать приводить аргументы, пока вы не признаете мою правоту. Итак, господин Жаров посетил меня сегодня утром и начал рассказ, который, вероятно, станет одним из самых странных, что я когда-либо слышал. Как я уже говорил, самые необычные вещи часто связаны не с крупными, а с мелкими правонарушениями, а иногда даже сложно определить, было ли совершено какое-либо преступление вообще. Пока мне сложно сказать, является ли этот случай преступлением, но ход событий, безусловно, весьма необычен.

Господин Жаров, не могли бы вы повторить свой рассказ? Я прошу вас об этом не только потому, что мой друг Петров не слышал начала, но и потому, что своеобразие этой истории требует максимальной точности изложения. Обычно, услышав незначительную деталь, я могу сопоставить ее с тысячами других подобных случаев, хранящихся в моей памяти. Но в данном случае я должен признать, что факты, насколько я могу судить, уникальны».

Полный посетитель выпятил грудь с видом некоторой гордости и достал из внутреннего кармана своего пиджака грязную и помятую газету. Пока он искал нужную страницу в разделе объявлений, вытянув шею и расправляя газету на колене, я внимательно изучал этого человека, пытаюсь, подобно моему компаньону, прочесть знаки, которые могли быть скрыты в его одежде или внешности.

Впрочем, мои наблюдения не дали особых результатов. Перед нами сидел типичный провинциальный коммерсант: полный, самодовольный и неповоротливый. На нем были старомодные серые брюки в крупную клетку, выдавший виды черный пиджак, расстегнутый на животе, и тусклый жилет с массивной серебряной цепочкой и брелком в виде миниатюрного слитка. Рядом на стуле валялась помятая кепка и выцветшее коричневое пальто с потертым вельветовым воротником. В общем, ничего особенного, если не считать огненно-рыжей шевелюры и выражения крайнего раздражения на лице.

Быстрый взгляд Арсения Павловича уловил мой интерес, и он покачал головой с усмешкой, заметив мои вопросительные взгляды. "Помимо очевидного, что он когда-то занимался физическим трудом, употребляет насвай, состоит в "Единой России", бывал в Казахстане и в последнее время много переписывался в Telegram, я не могу сделать никаких других выводов".

Господин Захар Олегович вскочил со стула, ткнув указательным пальцем в лежащую на столе бумагу, но устремив взгляд на моего компаньона.

— Как, во имя всего святого, вы все это узнали, господин Кузнецов? — воскликнул он. — Откуда вам известно, например, что я занимался ручным трудом? Это чистая правда, я начинал как автомеханик.

— Ваши руки, мой дорогой господин. Ваша правая рука заметно больше левой. Вы работали ею, и мышцы более развиты.

— Хорошо, а насвай и "Единая Россия"?

— Я не стану оскорблять ваш интеллект, объясняя, как я это прочитал, тем более что, несколько вопреки строгим правилам вашей партии, вы носите значок с медведем на лацкане.

— Ах, да, конечно, я забыл об этом. Но переписка?

— Что еще может указывать на этот правый рукав, такой залоснившийся на протяжении десяти сантиметров, и левый, с гладким пятном возле локтя, где вы опираетесь им

на стол?

— Ладно, но Казахстан?

— Барс, которого вы накололи прямо над правым запястьем, мог быть сделан только в Казахстане. Я немного изучал татуировки и даже консультировал полицию по этому вопросу. Этот стиль с использованием национальных мотивов характерен исключительно для Казахстана. Когда, вдобавок, я вижу тенге, висящую на вашей цепочке для ключей, дело становится еще проще.

Господин Захар Олегович громко расхохотался. "Ну и ну!" – воскликнул он. "Сначала я подумал, что вы сделали что-то невероятное, но теперь вижу, что в этом нет ничего особенного".

"Я начинаю думать, Максим, – сказал Кузнецов, – что совершаю ошибку, объясняя. "_Omne ignotum pro magnifico_", знаете ли, и моя скромная репутация, такая, какая она есть, пойдет ко дну, если я буду так откровенен. Не могли бы вы найти объявление, господин Олегович?"

"Да, вот оно", – ответил он, приложив свой толстый красный палец к середине колонки. "Вот оно. С этого все и началось. Прочитайте сами, пожалуйста".

Я взял у него газету и прочитал следующее:

«**РЫЖИМ НА ЗАМЕТКУ!** В связи с последней волей покойного Аркадия Лисицына из села Красные Горки, что под Смоленском, открывается вакансия, дающая право избранному члену сообщества на ежемесячную выплату в размере

30 000 рублей за чисто символические услуги. Все рыжеволосые мужчины, крепкие телом и духом, достигшие двадцати одного года, приглашаются к участию. Явка обязательна в понедельник, ровно в одиннадцать утра, к Игорю Веснушкину, в офис "Рыжий Мир", улица Старая Басманная, дом 12».

«Что за бред?» – выпалил я, дважды пробежав глазами по этому странному тексту.

Сыщик хмыкнул и заёрзал на диване, как обычно делал, когда его что-то забавляло. «Довольно необычно, согласитесь?» – произнес он. «А теперь, господин Барсуков, начните с самого начала и расскажите нам все о себе, о вашем бизнесе и о том, какое влияние оказало на вас это объявление. Зафиксируйте, доктор, название издания и дату».

«Это _ "Вечерняя Москва" _ от 15 августа 2024 года. Чуть больше месяца назад».

«Превосходно. Итак, господин Барсуков?»

— Ну, я же вам говорил, господин Родионов, – начал Константин Барсуков, вытирая платком пот со лба. – У меня небольшая микрофинансовая организация на улице Академика Королева, недалеко от Останкино. Бизнес не ахти какой, и в последние годы еле-еле позволяет сводить концы с концами. Раньше я мог позволить себе двух сотрудников, но теперь у меня только один; и я бы вряд ли мог ему платить, если бы он не согласился работать почти бесплатно, чтобы набраться опыта.

— Как зовут этого щедрого молодого человека? – поин-

тересовался Родионов.

— Его зовут Вадим Косолапов, хотя он уже не такой уж и молодой. Сложно сказать, сколько ему лет. Лучшего помощника мне и не сыскать, господин Родионов; и я прекрасно понимаю, что он мог бы найти место получше и зарабатывать вдвое больше, чем я ему плачу. Но, в конце концов, если его все устраивает, зачем мне забивать ему голову?

— Действительно, зачем? Вам, похоже, крупно повезло с _сотрудником_, который обходится вам дешевле рынка. В наше время такое редко встретишь. Даже не знаю, что более примечательно: ваш помощник или ваше объявление.

— О, у него тоже есть свои недостатки, – вздохнул Барсуков. – Ни разу не видел такого фаната фотосъемки. То и дело щелкает своим телефоном, вместо того чтобы заниматься делом, а потом пропадает в подсобке, как суслик в норе, чтобы обрабатывать свои снимки. Это его главный минус, но в целом он хороший работник. Никаких вредных привычек.

— Он все еще работает у вас, полагаю?

— Да, конечно. Он и девочка лет четырнадцати, которая немного помогает по хозяйству и поддерживает чистоту – это вся моя прислуга, потому что я вдовец и у меня никогда не было семьи. Живем очень тихо, господин Родионов, втроем; и у нас есть крыша над головой и мы платим по счетам, если больше ничего не делаем.

— Первое, что нас выбило из колеи, это объявление. Косолапов пришел в офис ровно восемь недель назад с этой са-

мой газетой в руке и говорит:

— «Эх, мистер Барсуков, вот бы мне быть рыжим».

— Почему это вдруг? – удивился я.

— Видите ли, – начал он, – тут образовалось еще одно место в Гильдии Златовласых. Это же золотое дно для счастливого человека, а, насколько я понимаю, вакансий больше, чем желающих, так что попечители просто не знают, куда девать деньги. Эх, если бы мои волосы были рыжими, я бы ухватил такую возможность!

— А что это за работа? – поинтересовался я. Знаете, господин следователь, я человек домашний, и поскольку работа сама меня находила, а не я ее, то неделями мог не выходить из дома. Поэтому я мало что знал о происходящем в мире и всегда был рад узнать что-то новое.

— Неужели вы никогда не слышали о Гильдии Златовласых? – спросил он, округлив глаза.

— Никогда.

— Удивительно, ведь вы идеально подходите.

— И сколько там платят? – спросил я.

— О, всего лишь пару сотен тысяч в год, но работа несложная и не должна сильно мешать другим делам.

Представляете, как меня это заинтересовало, ведь в последние годы дела шли не очень хорошо, и лишние деньги были бы очень кстати.

— Расскажите мне все об этом, – попросил я.

— Ну, – сказал он, показывая мне объявление в Телеграме,

– вы сами видите, что в Гильдии есть вакансии, и вот адрес, куда вам следует обратиться за подробностями. Насколько я знаю, Гильдия была основана американским миллиардером Иезекиилем Хопкинсом, весьма эксцентричным человеком. Он сам был рыжим и очень сочувствовал всем рыжеволосым мужчинам; поэтому, когда он умер, выяснилось, что он оставил свое огромное состояние в руках попечителей, с указанием использовать проценты для обеспечения легких мест для мужчин с таким цветом волос. Говорят, платят там отлично, а делать почти ничего не нужно.

– Но, – возразил я, – ведь найдутся миллионы рыжеволосых, желающих подать заявку.

– Не так уж и много, как вам кажется, – ответил он. – Видите ли, это касается только москвичей и взрослых мужчин. Этот американец начал свою жизнь в Москве, когда был молод, и хотел сделать что-то хорошее для родного города. К тому же, я слышал, что нет смысла подавать заявление, если у вас светло-рыжие, темно-рыжие или какие-либо другие волосы, кроме настоящих, ярких, огненно-рыжих. Так вот, если бы вы захотели подать заявление, господин Соболев, вы бы легко прошли; но, возможно, не стоит вам беспокоиться ради нескольких сотен тысяч.

И вот, господа, как вы сами видите, мои волосы очень насыщенного и яркого оттенка, так что мне показалось, что если и будет какая-то конкуренция, то у меня такие же хорошие шансы, как и у любого другого человека. Кирилл, мой

помощник, казалось, так много знал об этом, что я подумал, что он может оказаться полезным, поэтому я просто попросил его закрыть салон на день и пойти со мной. Он был очень рад выходному, поэтому мы закрыли салон и отправились по адресу, указанному в объявлении.

– Никогда больше такого не увижу, уверен, – произнес Аркадий Петрович, умолкнув на секунду. Он нервно теребил край скатерти. – Со всех концов города, с севера, юга, востока, запада, все, у кого хоть намек на рыжину в шевелюре имелся, ринулись на это объявление. Улица Строителей встала колом от рыжих, а переулок Тихий напоминал развал с апельсинами. Я и не думал, что их столько вообще в стране найдется, чтобы вот так в одном месте собраться. Все оттенки – от пшеничного до морковного, охра, ржавчина, как у ирландского сеттера, медь, глина... Но, как Савелий говорил, не так уж много было именно огненно-рыжих. Когда я увидел эту толпу, руки опустились; но Савелий ни в какую. Не знаю, как он это сделал, но он толкался, пробивался, локтями работал, пока не вывел меня к самой лестнице, ведущей в контору. Там вообще столпотворение – одни вверх прут, полные надежд, другие вниз спускаются, понурые; но мы протиснулись, как могли, и вот, оказались внутри.

– Весьма любопытно, – заметил Игорь Николаевич, когда его посетитель замолчал, чтобы перевести дух. Он набил трубку щепоткой табака. – Прошу вас, продолжайте.

– В конторе – ничего особенного. Пара табуреток дере-

вянных, стол простой, за которым сидит мужичок, у которого рыжая голова еще рыжее моей. Он с каждым перекинется парой слов, и все – находит какой-нибудь изъян, который сразу отсеивает. Не так-то просто, оказывается, работу получить. Но когда до нас очередь дошла, этот мужичок ко мне отнесся гораздо благосклоннее, чем к остальным. Он даже дверь закрыл, когда мы вошли, чтобы поговорить с нами наедине.

– Это Аркадий Петрович, – сказал мой помощник, – он желает занять вакансию в Лиге.

– И он идеально подходит, – ответил тот. – У него все качества в наличии. Не припомню, чтобы я видел что-нибудь столь... подходящее. – Он отступил на шаг, наклонил голову набок и уставился на мои волосы так, что я начал чувствовать себя неловко. Потом вдруг подскочил, пожал мне руку и горячо поздравил с успехом.

– Было бы несправедливо колебаться, – сказал он. – Вы, конечно, извините меня за очевидную предосторожность. – С этими словами он схватил мои волосы обеими руками и дернул так, что я чуть не взвыл от боли. – В глазах слезы, – сказал он, отпуская меня. – Все в порядке, значит. Но мы должны быть осторожны, потому что нас дважды обманывали париками и один раз краской. Я мог бы вам рассказать истории про обувной крем, от которых у вас бы пропала всякая вера в человечество. – Он подошел к окну и заорал во все горло, что вакансия занята. Снизу донесся стон разочарова-

ния, и толпа начала расходиться, пока не осталось ни одного рыжего, кроме меня и этого управляющего.

– Я – Аркадий Петрович Светлов, и тоже являюсь одним из тех, кому повезло получать выплаты из фонда, учрежденного нашим щедрым меценатом. Скажите, Ярослав, вы женаты? Дети есть?

Я ответил отрицательно.

Выражение его лица мгновенно изменилось.

– Ох, вот как... – протянул он с заметной грустью. – Это, конечно, осложняет дело. Фонд изначально создавался для поддержки и развития... э... рыжих, скажем так, и их потомства. То, что вы не состоите в браке, – это, безусловно, минус.

– Я, признаться, немного расстроился, Артем Игоревич, – продолжал я, – подумал, что место ускользнет. Но он, немного подумав, сказал, что все уладится.

– В другом случае, – сказал Светлов, – это могло бы стать непреодолимым препятствием, но ради такого экземпляра, как вы, мы готовы сделать исключение. Когда вы сможете приступить к работе?

– Видите ли, тут небольшая загвоздка, – ответил я. – У меня уже есть свое дело.

– О, об этом не беспокойтесь, Ярослав! – тут же встрял Игорь. – Я все возьму на себя.

– Какой график работы? – спросил я.

– С десяти утра до двух дня.

– Понимаете, Артем Игоревич, основная выручка в мо-

ем комиссионном магазине приходится на вечернее время, особенно в четверг и пятницу, перед зарплатой. Так что мне было бы очень удобно подрабатывать по утрам. К тому же, я уверен в своем помощнике, он справится со всеми вопросами.

– Это вполне приемлемо, – ответил Светлов. – А оплата?

– Шестьдесят тысяч в месяц.

– А что нужно делать?

– Формальность, чистая формальность.

– Что вы имеете в виду под формальностью?

– Ну, вам необходимо находиться в офисе, или, по крайней мере, в здании, все это время. Если вы отлучитесь, то потеряете место. Это четко прописано в завещании. Нарушение условий – автоматическое увольнение.

– Всего четыре часа в день, я никуда не собираюсь уходить, – заверил я.

– Никакие оправдания не принимаются, – строго сказал Аркадий Петрович. – Ни болезнь, ни неотложные дела, ничего. Вы должны быть на месте, иначе потеряете работу.

– А что конкретно нужно делать?

– Переписывать Большую Российскую Энциклопедию. Первый том – в шкафу. Чернила, ручки и промокашку придется приобрести самостоятельно, стол и стул мы предоставляем. Готовы приступить завтра?

– Разумеется, – ответил я.

– В таком случае, прощайте, Ярослав Николаевич, и поз-

вольте еще раз поздравить вас с этой уникальной возможностью.

Он проводил меня до двери, и я вместе с Игорем отправился домой, находясь в состоянии эйфории от свалившегося на меня счастья. Я едва соображал, что говорю и делаю.

Весь день крутились мысли, а к вечеру снова накатила тоска. Я почти убедил себя, что это какая-то грандиозная афера, хотя и не понимал, в чем ее смысл. Не верилось, что кто-то мог составить такое странное завещание, или что они платят такие деньги за такую простую работу, как переписывание статей из "Википедии". Артем Смирнов всячески пытался меня подбодрить, но к ночи я снова впал в уныние. Однако утром решил все-таки попробовать. Купил пасту для ручки, взял ручку и семь листов бумаги, и отправился в офис на Пресне.

К моему удивлению и восторгу, все оказалось именно так, как и обещали. Стол был готов, и Игорь Петрович ждал меня, чтобы убедиться, что я приступил к работе. Он начал с буквы "А", а потом оставил меня одного. Но время от времени заглядывал, чтобы проверить, все ли в порядке. В два часа дня он попрощался, похвалил за объем написанного и закрыл за мной дверь офиса.

Так продолжалось день за днем, господин следователь, а в субботу пришел администратор и выдал четыре тысячи рублей за мою недельную работу. Так было и на следующей неделе, и на следующей. Каждое утро я приходил в десять, а

каждый день уходил в два. Постепенно Игорь Петрович стал заходить только раз утром, а потом и вовсе перестал. Тем не менее, я, конечно, никогда не осмеливался покидать комнату ни на минуту, потому что не знал, когда он может прийти, и работа была такой хорошей и так мне подходила, что я не хотел рисковать ее потерять.

"Так прошло восемь недель, и я переписал про Автобусы, Авиацию, Артиллерию, Алгоритмы и Айтишников, и надеялся, что скоро доберусь до буквы "Б". Это стоило мне немало бумаги, и моими сочинениями я почти заполнил полку. А потом внезапно всему этому пришел конец".

"Конец?"

"Да, сэр. И не далее как сегодня утром. Я пошел на работу, как обычно, в десять часов, но дверь была заперта, а к середине панели кнопкой прикреплена маленькая квадратная карточка. Вот она, можете сами прочитать".

Он поднял кусок белого картона размером примерно с визитку. На нем было написано следующее:

"ПРОЕКТ "КРАСНЫЕ ГОЛОВЫ" ЗАКРЫТ. 12 мая 2024 года".

Следователь и я посмотрели на это краткое объявление и на печальное лицо за ним, пока комическая сторона дела настолько не пересилила все остальные соображения, что мы оба разразились громким смехом.

"Не вижу здесь ничего смешного, – воскликнул наш клиент, заливаясь краской до самых корней своих огненных во-

лос. – Если вы можете только смеяться надо мной, я пойду в другое место".

«Нет, нет, – воскликнул следователь Орлов, усаживая обратно в продавленное кресло в кабинете нервного посетителя, уже наполовину поднявшегося. – Ни за что не упущу ваше дело. В нём есть что-то... освежающее. И, если позволите, даже немного курьёзное. Скажите, что вы сделали, когда обнаружили записку на двери?»

«Я был в полном замешательстве, – ответил мужчина. – Просто не знал, что предпринять. Сначала зашёл в соседние офисы, но там никто ничего не слышал. Потом пошёл к владельцу помещения, бухгалтеру с первого этажа, и спросил, что случилось с "Союзом любителей плова". Он сказал, что никогда о таком не слышал. Тогда я спросил про некоего Аркадия Петрова. Он ответил, что имя ему незнакомо.

– Ну, – сказал я, – тот господин из кабинета номер четыре.

– Что, рыжий такой?

– Да.

– А, – сказал он, – его звали Вадим Сидоров. Он представился юристом и арендовал помещение временно, пока его новый офис не будет готов. Он съехал вчера».

«И где теперь его искать?» – спросил Орлов.

«А, он мне говорил адрес нового офиса. Кажется, улица Академика Королева, дом 21, недалеко от Останкинской телебашни».

«Я отправился туда, господин Орлов, но по этому адре-

су оказался магазин автозапчастей, и никто там никогда не слышал ни о Вадиме Сидорове, ни об Аркадии Петрове».

«И что вы сделали дальше?» – поинтересовался Орлов.

«Вернулся домой, на улицу Космонавтов, и последовал совету моего помощника. Но он тоже ничем не смог помочь. Сказал только, чтобы я ждал новостей по почте. Но это меня не устраивало, господин Орлов! Я не хотел терять такую работу без боя. Поэтому, услышав, что вы помогаете людям, попавшим в беду, я сразу же пришёл к вам».

«И поступили очень разумно, – сказал Орлов. – Ваше дело весьма любопытно, и я с удовольствием им займусь. Судя по вашему рассказу, здесь может быть замешано нечто большее, чем кажется на первый взгляд».

«Больше, чем кажется? – воскликнул Яков Лебедев. – Да я теряю по килограмму в неделю от нервов!»

«Что касается лично вас, – заметил Орлов, – я не вижу, чтобы у вас были какие-либо основания жаловаться на этот... необычный союз. Напротив, насколько я понимаю, вы стали богаче примерно на тридцать тысяч рублей, не говоря уже о знаниях, которые вы приобрели по каждой теме, начинающейся на букву "П". Вы ничего не потеряли».

«Нет, конечно. Но я хочу знать, что это было, кто эти люди и какова была их цель в этой... шутке надо мной. Это была довольно дорогая шутка, ведь она обошлась им в тридцать две тысячи!»

«Мы постараемся это выяснить. И для начала, пара вопро-

сов, господин Лебедев. Этот ваш помощник, который обратил ваше внимание на объявление, – как давно он у вас работает?»

«Около месяца».

«Как он к вам попал?»

«Откликнулся на объявление».

«Он был единственным кандидатом?»

– Нет, у меня их было около дюжины. Даже больше, если честно.

– И почему выбрали именно его?

– Да он был расторопный, и цену за работу заломил смешную.

– То есть, почти даром?

– Ну, да. Где-то так.

– Опишите этого вашего Винсента Слюсарева. Как он выглядит?

– Невысокий, плотный такой, шустрый очень. И гладкий, как яйцо – ни волосинки на лице, хотя ему на вид никак не меньше тридцатника. А, да! И пятно у него на лбу, белое такое, будто кислотой обожгли.

Аркадий Петрович заметно встрепенулся в кресле.

– Ага, – протянул он. – Я так и думал. А вы не замечали, у него уши проколоты? Под серьги?

– Да, было дело. Он говорил, что это ему еще в детстве таборные сделали, когда он мелким был.

– Гм... – протянул Аркадий Петрович, снова погружаясь

в свои мысли. – И он сейчас у вас работает?

– Да, конечно. Я только что от него.

– И пока вас не было, все шло своим чередом?

– Да вроде бы, без нареканий. Утром у нас обычно не так много посетителей.

– Хорошо, господин Вихров. Я буду рад поделиться с вами своими соображениями по этому делу через пару дней. Сегодня суббота, надеюсь, к понедельнику у меня сложится полная картина.

– Ну, что скажете, Глеб? – спросил Аркадий Петрович, когда посетитель ушел.

– Я ничего не понимаю, – честно признался я. – Самое странное дело, что я слышал.

– Как правило, – заметил Аркадий Петрович, – чем страннее выглядит ситуация, тем проще оказывается ее разгадка. Настоящую головоломку представляют собой обыденные, ничем не примечательные преступления. Как и обычное лицо сложнее всего запомнить. Но мне нужно поторопиться с этим делом.

– И что вы собираетесь делать? – поинтересовался я.

– Курить, – ответил он. – Это задача на три трубки, и я прошу тебя не беспокоить меня хотя бы минут пятьдесят.

Он свернулся калачиком в кресле, подтянув свои худые колени к своему острому носу, и замер с закрытыми глазами, а его черная трубка торчала, словно клюв какой-то диковинной птицы. Я уже решил, что он задремал, и сам начал

клевать носом, когда он вдруг резко вскочил с кресла, словно приняв важное решение, и положил трубку на каминную полку.

– Сегодня днем в «Зарядье» играет Спиваков, – заметил он. – Как ты смотришь на это, Глеб? Твои пациенты смогут обойтись без тебя пару часов?

– У меня сегодня все равно ничего срочного. Работа не волк, в лес не убежит.

– Тогда надевай куртку и пошли. Сначала заедем в Сити, пообедаем по дороге. Я видел в программе много Шостаковича, а он мне ближе, чем всякие там итальянцы или французы. Он заставляет задуматься, а мне сейчас нужно именно это. Пошли!

Мы добрались на электросамокатах до станции "Бауманская", и пара кварталов привела нас к Покровскому бульвару, месту, где развернулась странная история, услышанная нами утром. Это был узкий, невзрачный уголок старой Москвы, где четыре ряда обшарпанных пятиэтажек смотрели на небольшой сквер, где чахлый газон и несколько кустов сирени безуспешно боролись с копотью и унылой атмосферой. Светящаяся вывеска "МИКРОЗАЙМЫ. АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ" на угловом доме указывала на место, где наш рыжеволосый клиент вел свои дела. Максим Игоревич остановился напротив, слегка наклонив голову, и окинул взглядом здание, его глаза сверкали между прищуренными веками. Затем он неспешно прошелся вдоль улицы, а потом об-

ратно к углу, внимательно изучая фасады. Наконец, он вернулся к ломбарду, пару раз энергично постучал тростью по асфальту и направился к двери. Ее тут же открыл молодой человек с живым взглядом и гладко выбритым лицом, который пригласил его войти.

– Благодарю, – сказал Максим Игоревич, – я просто хотел узнать, как отсюда пройти на Мясницкую.

– Третий поворот направо, второй налево, – быстро ответил парень, прикрывая дверь.

– Смышленный малый, – заметил Максим Игоревич, когда мы отошли. – По моим оценкам, он входит в десятку самых сообразительных людей в Москве, а что касается наглости, то, возможно, он даже в первой пятерке. У меня есть кое-какие сведения о нем.

– Очевидно, – сказал я, – помощник господина Петрова играет важную роль в этой загадке "Клуба любителей хны". Я уверен, что вы спросили дорогу только для того, чтобы взглянуть на него.

– Не на него.

– Тогда на что?

– На его штаны.

– И что вы увидели?

– То, что и ожидал увидеть.

– Зачем вы стучали по асфальту?

– Мой дорогой друг, сейчас время для наблюдений, а не для разговоров. Мы словно разведчики в тылу врага. Кое-

что мы уже знаем о Покровском бульваре. Теперь давайте изучим окрестности.

Улица, на которую мы вышли, свернув с тихого Покровского бульвара, представляла собой резкий контраст, словно мы увидели другую сторону медали. Это была одна из главных магистралей, по которой осуществлялось движение из центра города на север и запад. Проезжая часть была забита плотным потоком машин, движущихся в обе стороны, а тротуары кишели спешащими пешеходами. Трудно было представить, глядя на вереницу дорогих бутиков и современных офисных зданий, что они примыкают к обветшалому и заброшенному скверу, который мы только что покинули.

— Дайте пригляжусь, — проговорил Максим, остановившись на углу и окидывая взглядом улицу. — Хочу зафиксировать в памяти расположение зданий. У меня пунктик — знать Москву как свои пять пальцев. Итак, здесь «Дымок», табачный киоск, затем крошечный ларек с прессой, отделение «Альфа-Банка» на Кожевнической, веганское кафе «Зелень» и автосервис «Авто-Люкс». Это выводит нас прямо к следующему кварталу. Ну что, Артем, основную часть работы мы сделали, пора и отдохнуть. Перекусим сэндвичем и выпьем кофе, а потом — в царство скрипок, где все прекрасно, гармонично и нет назойливых клиентов с их головолонками.

Мой друг был страстным меломаном, не только талантливым исполнителем, но и одаренным композитором. Весь

день он провел в концертном зале, погруженный в блаженство, мягко дирижируя своими длинными пальцами в такт музыке. Его тихо улыбающееся лицо и мечтательный взгляд совершенно не вязались с образом Максима-детектива, неутомимого, проницательного, готового на все сотрудника уголовного розыска. В его противоречивой натуре попеременно проявлялись две противоположные стороны, и его феноменальная точность и проницательность, как мне часто казалось, были реакцией на поэтическое и созерцательное настроение, которое периодически брало над ним верх. Его состояние колебалось от полной апатии до всепоглощающей энергии. Я хорошо знал, что он никогда не был так опасен, как в те дни, когда просиживал в кресле, окруженный своими нотами и старинными изданиями. Именно тогда на него внезапно находила охотничья страсть, и его блестящие способности к дедукции достигали уровня интуиции, так что те, кто не был знаком с его методами, смотрели на него как на человека, обладающего знаниями, недоступными обычным смертным. Увидев его в тот день, настолько поглощенного музыкой в зале Чайковского, я понял, что тем, на кого он решил охотиться, придется несладко.

— Вам, наверное, хочется домой, Артем, — заметил он, когда мы вышли из зала.

— Да, было бы неплохо.

— А мне нужно заняться одним делом, которое займет несколько часов. Дело на Кожевнической серьезное.

— Почему серьезное?

— Готовится серьезное преступление. У меня есть основания полагать, что мы успеем его предотвратить. Но то, что сегодня суббота, немного усложняет ситуацию. Мне понадобится твоя помощь сегодня вечером.

— Во сколько?

— В десять будет в самый раз.

— Буду на Тверской в десять.

— Отлично. И, слушай, Артем, возможна небольшая опасность, поэтому захвати свой табельный пистолет. — Он махнул рукой, резко развернулся и тут же растворился в толпе.

Я не считаю себя глупее других, но рядом с Олегом Соколовым всегда чувствовал себя каким-то недотепой. Мы слышали одно и то же, видели одно и то же, но он, казалось, видел насквозь не только прошлое, но и будущее, а для меня все оставалось туманным и нелепым. По дороге домой, в свою квартиру на Мосфильмовской, я размышлял обо всем этом, начиная с невероятной истории о рыжем корректоре из онлайн-энциклопедии и заканчивая визитом на площадь Тверской Заставы и его загадочными словами на прощание. Что за ночная вылазка и почему нужно брать оружие? Куда мы едем и что будем делать? Соколов обмолвился, что этот лохотечный помощник банкира – опасный тип, способный на серьезные игры. Я пытался сложить все в единую картину, но в итоге махнул рукой, решив дождаться ночи, которая,

надеюсь, прояснит ситуацию.

Было без пятнадцати десять, когда я вышел из дома и поехал через Хамовники, а затем по Садовому кольцу на улицу Петровку. У подъезда стояли две машины, и, войдя в парадную, я услышал голоса наверху. В кабинете Соколова я увидел его оживленно беседующим с двумя мужчинами, в одном из которых я узнал Виктора Петрова, сотрудника уголовного розыска, а другой был высоким, худощавым, с грустным лицом, в дорогой кепке и безупречном пальто.

– Ага! Все в сборе, – сказал Соколов, застегивая куртку и беря с вешалки тяжелую трость. – Артем, полагаю, вы знакомы с Виктором Петровым из МУРа? Позвольте представить вам господина Морозова, который составит нам компанию в сегодняшнем приключении.

– Снова работаем в паре, доктор, как видите, – сказал Петров в своей обычной манере. – Наш друг здесь – отличный специалист по выслеживанию. Ему нужна лишь хорошая ищейка, чтобы довести дело до конца.

– Надеюсь, охота за призраком не станет концом нашей карьеры, – мрачно заметил господин Морозов.

– Можете полностью доверять Олегу Соколову, – надменно произнес полицейский. – У него свои методы, которые, если он не обидится, кажутся мне несколько теоретическими и фантастическими, но чутье у него есть. Не будет преувеличением сказать, что пару раз, например, в деле о краже бриллиантов Романовых, он был ближе к истине, чем офи-

циальное следствие.

– О, если вы так говорите, господин Петров, тогда все в порядке, – с уважением ответил незнакомец. – И все же, признаюсь, мне не по себе. Это первая субботняя ночь за тридцать лет, когда я не играю в покер.

– Думаю, – сказал Олег Соколов, – сегодня вечером вы сыграете на более высокую ставку, чем когда-либо, и игра будет куда более захватывающей. Для вас, господин Морозов, ставка составит около пятидесяти миллионов рублей, а для вас, Петров, – человек, которого вы так жаждете поймать.

— Аркадий Грязев, убийца, вор, фальшивомонетчик и мастер подделок. Юн еще, господин Соловьев, но он — элита в своем деле, и я бы предпочел надеть наручники на него, чем на любого другого преступника в Москве. Исключительный тип, этот Аркадий Грязев. Его дед был чуть ли не кремлевским чиновником, а сам он учился в МГИМО и Вышке. Его ум столь же изворотлив, как и его пальцы, и хотя мы постоянно натываемся на следы его деятельности, мы никогда не можем его поймать. Он может взломать сейф в Питере за одну неделю, а на следующей собирать донаты на дроны для фронта в Воронеже. Я гоняюсь за ним уже несколько лет, но ни разу не видел его вблизи.

— Надеюсь, сегодня вечером мне представится возможность вас познакомиться. У меня тоже были небольшие столкновения с господином Грязевым, и я согласен с вами, что он — лучший в своем роде. Но уже больше десяти, пора выдви-

гаться. Если вы вдвоем займете первую машину, Вадим и я поедem во второй.

Игорь Молчанов был немногословен во время долгой поездки и откинулся на спинку сиденья, напевая мелодии, которые он слышал по радио днем. Мы неслись по бесконечному лабиринту освещенных улиц, пока не выехали на Садовое кольцо.

— Мы почти на месте, — заметил мой друг. — Этот Соловьев — директор банка и лично заинтересован в этом деле. Я подумал, что неплохо было бы взять с собой и Петрова. Он неплохой парень, хотя и немного туповат в своей работе. Но у него есть одно неоспоримое достоинство. Он храбр, как танк, и цепок, как бульдог, если уж вцепится в кого-нибудь зубами. Вот мы и приехали, нас уже ждут.

Мы оказались на той же оживленной улице, где были утром. Наши машины были отпущены, и, следуя за господином Соловьевым, мы прошли по узкому переулку и через боковую дверь, которую он открыл для нас. Внутри был небольшой коридор, который заканчивался массивной стальной дверью. Она тоже была открыта и вела вниз по винтовой бетонной лестнице, которая заканчивалась у еще одной грозной двери. Господин Соловьев остановился, чтобы включить фонарик на телефоне, а затем повел нас по темному, пахнущему сыростью коридору и, открыв третью дверь, в огромный свод или подвал, который был завален паллетами и массивными контейнерами.

— Сверху сюда не добраться, — заметил Молчанов, поднимая фонарик и оглядываясь.

— И снизу тоже, — сказал господин Соловьев, стуча тростью по плитам, которыми был выложен пол. — Боже мой, да тут совсем пусто! — удивленно заметил он, поднимая глаза.

— Я должен попросить вас быть немного тише! — строго сказал Молчанов. — Вы уже поставили под угрозу весь успех нашей операции. Не будете ли вы так любезны сесть на один из этих ящиков и не мешать?

Напыщенный господин Соловьев уселся на паллету с очень обиженным выражением лица, а Молчанов опустился на колени на пол и, с фонариком и лупой, начал внимательно изучать трещины между плитами. Несколько секунд ему хватило, чтобы убедиться в своей правоте, он вскочил на ноги и убрал лупу в карман.

— У нас точно есть час в запасе, — проговорил он тихо, — вряд ли они что-то начнут, пока этот старый барыга не уляжется в свою кровать. А вот потом они не будут терять ни секунды, потому что чем быстрее они провернут дело, тем больше времени у них останется на то, чтобы уйти. Сейчас мы находимся, доктор, — как вы, конечно, догадались, — в подвале городского отделения одного из самых крупных московских банков. Господин Воронов — председатель правления, и он объяснит вам, почему самые отчаянные преступники Москвы должны проявлять такой интерес к этому подвалу именно сейчас.

– Это наше золото из-за границы, – прошептал управляющий. – Нас несколько раз предупреждали, что на него готовится покушение.

– Ваше золото из-за границы?

– Да. Несколько месяцев назад нам нужно было укрепить наши резервы, и мы позаимствовали для этого тридцать миллионов юаней из китайского банка. Стало известно, что мы ни разу не распаковывали эти деньги, и они все еще лежат у нас в подвале. В ящике, на котором я сижу, находится два миллиона юаней, упакованных между листами свинцовой фольги. Сейчас у нас золотой запас намного больше, чем обычно хранится в одном отделении, и у директоров возникли опасения по этому поводу.

– Которые были вполне оправданы, – заметил Соколов. – А теперь нам пора разрабатывать наши планы. Я думаю, что в течение часа все закончится. А пока, господин Воронов, нам нужно поставить экран на этот тусклый фонарь.

– И сидеть в темноте?

– Боюсь, что да. У меня с собой в кармане есть нарды, и я подумал, что, поскольку мы *_partie carrée_*, вы могли бы сыграть партию в конце концов. Но я вижу, что приготовления врага зашли так далеко, что мы не можем рисковать светом. И прежде всего, нам нужно выбрать наши позиции. Это дерзкие люди, и, хотя мы застанем их врасплох, они могут причинить нам вред, если мы не будем осторожны. Я буду стоять за этим ящиком, а вы спрячьтесь за теми. Потом, ко-

гда я направлю на них свет, быстро сомкнитесь. Если они откроют огонь, Игнатов, не стесняйтесь стрелять в них.

Я взвел свой травмат и положил его на деревянный ящик, за которым присел. Соколов закрыл заслонку на своем фонаре, и нас окутала крошечная тьма – такая абсолютная, какой я никогда прежде не испытывал. Запах нагретого металла напоминал о том, что свет все еще там, готовый вспыхнуть в любой момент. Меня, с моими нервами, до предела напряженными ожиданием, внезапный мрак и холодный, сырой воздух подвала угнетали и подавляли.

– У них только один путь к отступлению, – прошептал Соколов. – Обратно через дом на Тверской улице. Надеюсь, вы сделали то, о чем я вас просил, Петров?

– Там дежурит следователь и два оперативника у главного входа.

– Значит, мы перекрыли все ходы. А теперь нужно замолчать и ждать.

Время тянулось невыносимо долго. Позже, сверив записи, мы выяснили, что прошло всего час и пятнадцать минут, но мне казалось, что до рассвета рукой подать. От долгого сидения затекли конечности, я боялся пошевелиться. Нервы были на пределе. Слух обострился настолько, что я различал не только тихое дыхание товарищей, но и глубокий, хриплый вдох здоровяка Денисова от легкого, вздыхающего звука, издаваемого директором «КредитИнвест». С моей позиции над ящиком был виден участок пола. Внезапно мой

взгляд выхватил проблеск света.

Сначала это была лишь слабая искорка на шершавом граните. Потом она вытянулась в тонкую желтую линию, а затем, без малейшего предупреждения и звука, словно разверзлась трещина, и появилась рука – белая, почти женская, ощупывающая центр освещенного участка. Минуту или больше рука с извивающимися пальцами торчала из пола. Затем она исчезла так же внезапно, как и появилась, и снова все погрузилось во тьму, за исключением единственной зловещей искры, отмечавшей щель между плитами.

Однако исчезновение было недолгим. С треском и скрежетом одна из широких гранитных плит перевернулась на бок, обнажив квадратную дыру, из которой лился свет фонарика. Над краем я увидел чистое, мальчишеское лицо, которое внимательно огляделось, а затем, упершись руками по обе стороны отверстия, вытащило себя по плечи и по пояс, пока одно колено не уперлось в край. В следующее мгновение он стоял рядом с дырой и вытаскивал за собой товарища, гибкого и маленького, с бледным лицом и копной ярко-рыжих волос.

– Чисто, – прошептал он. – Зубило и баулы взял? Матерь Божья! Прыгай, Рыжий, прыгай, я прикрою!

Игорь выскочил и схватил незваного гостя за куртку. Другой нырнул обратно в дыру, и я услышал звук рвущейся ткани, когда Денисов схватил его за штанину. Свет блеснул на черном металле пистолета, но телескопическая дубинка Иго-

ря обрушилась на запястье мужчины, и оружие со звоном упало на каменный пол.

– Бесплезно, Артем Кравцов, – спокойно произнес Игорь. – У вас нет ни единого шанса.

– Понимаю, – ответил тот с ледяным спокойствием. – Думаю, мой подельник в порядке, хотя вижу, что вы держите его за штаны.

– У двери его ждут трое, – сказал Игорь.

– Ах, вот как! Вижу, вы подготовились основательно. Должен отдать вам должное.

– И я вам, – ответил Игорь. – Ваша идея с этим рыжим была весьма необычной и эффективной.

– Вы скоро увидите своего приятеля снова, – сказал Денисов. – Он быстрее спускается в норы, чем я. Просто подержите, пока я надену наручники.

– Прошу не прикасаться ко мне своими грязными руками, – заметил наш пленник, когда на его запястьях защелкнулись наручники. – Возможно, вы не знаете, что во мне течет кровь Рюриковичей. Будьте любезны, когда обращаетесь ко мне, всегда говорите «сударь» и «пожалуйста».

— Ладно, — процедил Жданов, сверля его взглядом и кривя губы в подобии улыбки. — Не соблаговолите ли, гражданин, проследовать наверх, где мы закажем такси, чтобы доставить вашу персону прямиком в отделение?

«Вот это уже конструктивный диалог», — невозмутимо парировал Кирилл Белов. Он отвесил нам троим ироничный

поклон и, в сопровождении оперативника, неспешно двинулся к выходу.

— Знаете, Артем, — произнес Глеб Игоревич, когда мы покидали подвал, — я даже не представляю, как банк сможет отблагодарить вас. Вы предотвратили, без сомнения, одно из самых дерзких ограблений, с которыми мне доводилось сталкиваться.

— У меня были свои личные мотивы в отношении господина Белова, — заметил Артем. — Я понес некоторые издержки в ходе этого дела, которые, надеюсь, банк компенсирует. Но, помимо этого, я более чем удовлетворен полученным опытом, который, во многих отношениях, уникален, и, конечно, весьма занятной историей про эту... «Гильдию блогеров».

— Видишь ли, Артем, — пояснил он уже под утро, когда мы сидели в его кабинете за стаканом колы, — с самого начала было очевидно, что единственной целью этой довольно нелепой затеи с объявлением о «Гильдии» и переписыванием постов из Telegram-каналов, было отвлечение этого недалекого владельца ломбарда на несколько часов каждый день. Способ, конечно, экстравагантный, но, признаться, сложно придумать что-то более эффективное. Идея, несомненно, была подсказана изобретательному уму Белова цветом волос его сообщника. Десять тысяч в неделю — приманка, на которую он должен был клюнуть. Что это для них, играющих по-крупному? Они разместили объявление, один мошенник

держит временный офис, другой мошенник убеждает человека подать заявку, и вместе им удастся обеспечить его отсутствие каждое утро в течение недели. С того момента, как я услышал, что помощник согласился работать за полставки, мне стало ясно, что у него есть веская причина для получения этой должности.

— Но как ты догадался, в чем заключалась эта причина?

— Если бы в доме были женщины, я бы заподозрил обычную интрижку. Но это было исключено. У этого человека был небольшой бизнес, и в его жизни не было ничего, что могло бы объяснить такие сложные приготовления и такие расходы. Значит, дело было в чем-то вне дома. В чем же? Я вспомнил о пристрастии помощника к фотографии и его привычке пропадать в подвале. Подвал! Вот где был конец этой запутанной нити. Затем я навел справки об этом таинственном помощнике и выяснил, что имею дело с одним из самых хладнокровных и дерзких преступников в Москве. Он что-то делал в подвале — что-то, что занимало много часов в день в течение нескольких месяцев. Что же это могло быть? Я не мог придумать ничего, кроме того, что он прорыл туннель в какое-то другое здание.

Я пришёл к этому выводу, когда мы поехали осмотреть место преступления. Я, наверное, удивил тебя, когда постукал своей тростью по тротуару. Я проверял, не уходит ли подвал вперёд или назад. Вперёд он не уходил. Потом я позвонил в звонок, и, как я и ожидал, дверь открыл какой-то

парень. У нас с ним была небольшая перепалка, но раньше мы никогда не встречались. Я почти не смотрел ему в лицо. Меня интересовали его колени. Ты сам, наверное, заметил, какие они были потёртые, сморщенные и грязные. Они говорили о часах, проведённых за копанием. Оставалось только выяснить, что они копали. Обойдя угол, я увидел, что к офису нашего знакомого примыкает отделение "Городского и Областного Банка", и понял, что разгадал загадку. После концерта, когда ты поехал домой, я позвонил в Главное Управление МВД и председателю правления банка, и в результате ты увидел то, что увидел».

«Но как ты мог знать, что они попытаются это сделать именно сегодня вечером?» – спросил я.

«Ну, когда они закрыли свой офис "Лиги", это был знак, что их больше не интересует присутствие господина Ерофеева – то есть, что они закончили свой туннель. Но им было крайне важно использовать его как можно скорее, потому что его могли обнаружить, или деньги могли быть переведены в другое место. Суббота подходила им лучше, чем любой другой день, так как это давало им два дня на побег. По всем этим причинам я и ожидал, что они придут именно сегодня ночью».

«Ты рассудил просто великолепно, – воскликнул я с искренним восхищением. – Это такая длинная цепочка, и всё же каждое звено звучит правдиво».

«Это спасло меня от скуки, – ответил он, зевнув. – Увы!

Я уже чувствую, как она подкрадывается ко мне. Моя жизнь – это одно долгое стремление убежать от банальности существования. Эти маленькие задачи помогают мне в этом».

«И ты – благодетель человечества», – сказал я.

Он пожал плечами. «Ну, возможно, в конце концов, от этого есть какая-то небольшая польза, – заметил он. – "Человек – ничто, произведение – всё", как писал Гюстав Флобер Жоржу Санду».

III. ДЕЛО О КРИМИНАЛЬНОМ ТУННЕЛЕ

«Мой дорогой друг, – сказал Арсений Холмогоров, когда мы сидели по обе стороны от камина в его квартире на улице Строителей, – жизнь бесконечно страннее всего, что мог бы придумать человеческий разум. Мы не осмелились бы представить себе вещи, которые на самом деле являются всего лишь банальностями существования. Если бы мы могли вылететь из этого окна рука об руку, парить над этим огромным городом, осторожно снимать крыши и заглядывать в странные вещи, которые происходят, в странные совпадения, в планы, в противоречия, в чудесные цепи событий, работающие на протяжении поколений и приводящие к самым *_outré_* результатам, это сделало бы всю художественную литературу с её условностями и предсказуемыми выводами самой чёрствой и бесполезной».

«Всё же, я не уверен, – ответил я. – Истории, попадающие в газеты, как правило, до оскомины обыденны и вульгарны. В полицейских сводках – реализм, доведённый до абсурда,

но результат, признаться, ни капли не захватывающий, ни художественный».

«Для создания правдоподобного эффекта необходима избирательность и осторожность, – заметил Олег. – Этого не хватает полицейским отчётам, где банальности районного судьи занимают больше места, чем детали, содержащие суть дела для внимательного наблюдателя. Поверьте, нет ничего более далёкого от реальности, чем эта самая банальность».

Я усмехнулся и покачал головой. «Я прекрасно понимаю ход ваших мыслей, – сказал я. – В вашем положении неофициального консультанта для всех, кто запутался, на трёх континентах, вы наверняка сталкиваетесь с самым странным и нелепым. Но вот, – я поднял утреннюю газету с пола, – давайте проверим это на практике. Вот первый попавшийся заголовок: "Домашнее насилие". Здесь полколонки текста, но я уверен, не читая, что всё это до боли знакомо. Там, конечно, другая женщина, алкоголь, толчок, удар, синяк, сочувствующая сестра или консьержка. Самый бездарный сценарист не придумает ничего более тривиального».

«Как раз-таки ваш пример неудачен, – сказал Олег, беря газету и пробегая глазами текст. – Это дело о разводе семьи Данцовых, и я, как раз, занимался выяснением некоторых деталей в связи с этим. Муж – абсолютный трезвенник, другой женщины нет, а жалоба заключается в том, что у него вошло в привычку заканчивать каждый обед тем, что он вынимал свои зубные протезы и швырял их в жену. Согласитесь,

это вряд ли придёт в голову среднестатистическому писателю. Возьмите щепотку насвая, доктор, и признайте, что я вас переиграл».

Он протянул мне свою старинную золотую табакерку с крупным аметистом в центре крышки. Её великолепие так контрастировало с его скромными манерами и незатейливой жизнью, что я не мог не прокомментировать это.

«Ах, – сказал он, – я забыл, что мы не виделись несколько недель. Это небольшой подарок от короля Богемии в благодарность за мою помощь в деле с документами Ирины Орловой».

«А кольцо? – спросил я, бросив взгляд на сверкающий бриллиант на его пальце.

«Оно принадлежало правящей семье Нидерландов, хотя дело, в котором я им помог, было настолько деликатным, что я не могу доверить его даже вам, который был так любезен, что описал пару моих незначительных дел».

«А у вас есть что-нибудь под рукой прямо сейчас? – спросил я с интересом.

— За последнее время, штук десять-двенадцать, не больше, но ни одно из них не зацепило. Понимаете, важны, да, но скучны до зубовного скрежета. Вот в мелочевке, как правило, и кроется самое интересное – возможность быстро проанализировать цепочку событий, выявить причинно-следственные связи. Это и придает шарм расследованию. А крупные дела... там все обычно проще. Чем масштабнее преступ-

ление, тем очевиднее мотив. В общем, если не считать одного мутного дельца, которого мне из Ростова перекинули, ничего захватывающего. Хотя, возможно, сейчас что-то подвернется. Чутье подсказывает, это кто-то из моих клиентов, иначе я совсем профнепригоден.

Артем поднялся из-за стола и встал между раздвинутыми ламелями жалюзи, уставившись вниз, на унылую улицу. Взглянув через его плечо, я увидел, что на тротуаре напротив маячит крупная дама в тяжелом норковом палантине и огромной шляпе с алым страусиным пером, кокетливо сдвинутой набок. Из-под этого сооружения она нервно поглядывала на наши окна, переминаясь с ноги на ногу и теребя пуговицы кожаных перчаток. Внезапно, словно нырнув в воду, она решительно перешла улицу, и мы услышали звон домофона.

— Знакомые симптомы, — пробормотал Артем, бросая окурочек в пепельницу. — Нерешительность на тротуаре — почти всегда сердечные дела. Нужен совет, но сомневается, стоит ли выносить сор из избы. Впрочем, даже тут можно кое-что понять. Если женщину серьезно обидел мужчина, она не колеблется, а сразу идет в наступление. А тут... скорее, растерянность, огорчение. Но вот она и сама идет, чтобы развеять наши сомнения.

В этот момент в дверь постучали, и секретарь вошел, чтобы объявить о прибытии гражданки Светланы Игнатовой. Сама дама уже маячила за его спиной, как океанский лай-

нер за маленьким буксиром. Артем приветствовал ее с той непринужденной вежливостью, которая ему была присуща, закрыл за ней дверь и усадил в кресло. Затем окинул ее своим фирменным взглядом – быстрым и одновременно рассеянным.

— Мне кажется, — произнес он, — с вашим не очень хорошим зрением, работа машинисткой должна быть довольно утомительной?

— Поначалу да, — ответила она, — но я уже знаю, где какая буква, печатаю вслепую. — Затем, внезапно осознав смысл его слов, она вздрогнула и посмотрела на него с испугом и изумлением на своем широком, добродушном лице. — Вы что-то знаете обо мне, Артем Сергеевич? — воскликнула она. — Откуда вам это известно?

— Неважно, — улыбнулся Артем. — Моя работа – знать. Просто я научился замечать то, что другие упускают из виду. Иначе зачем бы вы пришли ко мне за помощью?

– Я к вам, господин следователь, от Ирины Сергеевны. Ее мужа вы нашли, когда все, включая полицию, считали его погибшим. Пожалуйста, помогите и мне! Я не богата, но имею свой доход – сто тысяч в месяц, плюс немного зарабатываю копирайтингом. Я бы все отдала, чтобы узнать, что с Антоном Павловичем случилось.

Детектив Захаров сложил пальцы домиком и посмотрел в потолок:

– Почему такая спешка?

На лице Анны Петровны снова появилось испуганное выражение.

– Я убежала от отца, – сказала она. – Он отнесся к исчезновению Антона как к пустяку. В полицию не хотел, к вам идти тоже. Говорил, ничего страшного не случилось. Меня это взбесило, я собралась и сразу к вам.

– Отец? – уточнил Захаров. – Отчим, наверное? Фамилии разные.

– Да, отчим. Хотя странно его так называть, он всего на пять лет старше меня.

– А мать жива?

– Да, слава богу. Я не обрадовалась, когда она так быстро вышла замуж после смерти папы, да еще и за человека, который почти на пятнадцать лет ее моложе. Папа был автомехаником на Варшавском шоссе, оставил прибыльное дело. Мама вела его с напарником, но отчим заставил продать, он же важный – менеджер по продажам стройматериалов. За бизнес получили восемь миллионов рублей, с процентами. Папа бы больше получил.

Захаров слушал внимательно, хотя рассказ казался бессвязным.

– Ваш доход, – спросил он, – от бизнеса?

– Нет. Это наследство от дяди из Владивостока. Он вложен в акции «Роснефти», получаю четыре с половиной процента. Всего там три миллиона, но трогать можно только проценты.

– Вы меня заинтересовали, – сказал Захаров. – Сто тысяч в месяц – это неплохо. Плюс заработок. Вы, наверное, путешествуете и ни в чем себе не отказываете? Незамужней женщине хватит и сорока тысяч.

– Мне бы и меньшего хватило, Аркадий Петрович, но поймите, пока я живу с ними, не хочу быть бременем, поэтому они и распоряжаются моими деньгами. Это временно, конечно. Олег Игоревич получает мои проценты каждый квартал и отдает маме, а мне хватает того, что я зарабатываю на наборе текста. Двадцать рублей за страницу, а я делаю иногда и по двадцать пять страниц в день.

– Вы очень четко обрисовали ситуацию, – сказал Аркадий Петрович. – Это мой друг, Илья Борисович, перед ним вы можете говорить так же открыто, как и передо мной. Расскажите нам теперь все о ваших отношениях с Кириллом Олеговичем Сомовым.

Вероника покраснела и нервно поправляла воротник своей куртки.

– Я познакомилась с ним на корпоративе "Водоканала", – начала она. – Отцу всегда присылали приглашения, когда он был жив, а потом вспомнили и о нас, прислали маме. Олег Игоревич не хотел, чтобы мы шли. Он вообще не любит, когда мы куда-то ходим. Бесится, если я хочу сходить на шашлыки с работы. Но в этот раз я решила пойти, и пошла, потому что какое он имеет право мне запрещать? Он говорил, что эти люди нам не ровня, хотя там должны были быть все

отцовские коллеги. И говорил, что мне нечего надеть, хотя у меня есть новое синее платье, которое я еще ни разу не надевала. В конце концов, когда ничего не помогло, он уехал в командировку в Казахстан по делам фирмы, а мы пошли, мама и я, с Виктором Николаевичем, он у нас начальник отдела, и там я познакомилась с Кириллом.

– Полагаю, – сказал Аркадий Петрович, – когда Олег Игоревич вернулся из Казахстана, он был не очень доволен тем, что вы пошли на корпоратив.

– Ой, ну, он был вполне мил. Посмеялся, помню, пожал плечами и сказал, что нет смысла спорить с женщиной, потому что она все равно сделает по-своему.

– Понимаю. Итак, на корпоративе "Водоканала" вы встретили, как я понимаю, молодого человека по имени Кирилл Олегович Сомов.

– Да. Я познакомилась с ним в тот вечер, а на следующий день он позвонил, чтобы узнать, как мы добрались домой. После этого мы встречались с ним... то есть, Аркадий Петрович, мы пару раз гуляли, но потом вернулся отец, и Кирилл Олегович больше не мог приходить к нам.

– Не мог?

– Ну, понимаете, отцу это совсем не нравилось. Он не любит гостей, если может их избежать, и он говорил, что женщина должна быть счастлива в кругу семьи. Но, как я говорила маме, женщине нужен свой круг общения, а у меня его пока нет.

– А что насчет Кирилла Олеговича? Он не пытался с вами увидеться?

– Ну, отец снова уехал в Казахстан через неделю, и Кирилл написал, что будет безопаснее не встречаться, пока он не уедет. Мы могли бы переписываться, и он писал каждый день. Я забирала письма утром, чтобы отец не знал.

– Вы были помолвлены с этим молодым человеком в то время?

– Ах да, господин Дубровский. Мы обручились буквально после первого свидания. Ярослав... то есть, господин Смирнов... работал менеджером в офисе на улице Стромынка... и...

– В какой именно компании?

– Вот в этом-то и загвоздка, господин Дубровский, я не знаю.

– Где же он жил в то время?

– Он говорил, что снимает комнату где-то недалеко от офиса.

– И вы не знаете его адреса?

– Нет, только то, что это где-то на Стромынке.

– Куда вы отправляли ему письма?

– На почтовое отделение на Стромынке, до востребования. Он объяснял, что если отправлять в офис, то коллеги будут подтрунивать над ним из-за любовной переписки, поэтому я предложила печатать их на компьютере, как он делал свои, но он отказался, потому что говорил, что когда я пишу

от руки, они кажутся более личными, а когда напечатаны, он чувствует какую-то дистанцию. Это показывает, как он меня любил, господин Дубровский, и какие мелочи его волновали.

– Это весьма любопытно, – заметил Дубровский. – Я всегда утверждал, что мелочи имеют огромное значение. Вспомните ли вы какие-нибудь еще детали о господине Ярославле Смирнове?

– Он был очень застенчивым, господин Дубровский. Предпочитал гулять со мной вечером, а не днем, потому что, по его словам, не любил быть в центре внимания. Очень скромный и вежливый молодой человек. Даже голос у него был тихий. В детстве он перенес тяжелую ангину, как он рассказывал, и это оставило ему слабое горло и тихую, почти шепчущую манеру речи. Всегда был хорошо одет, очень аккуратен и сдержан, но зрение у него было слабое, как и у меня, и он носил солнцезащитные очки от яркого света.

– Хорошо, и что произошло, когда господин Воронин, ваш отчим, уехал в командировку в Казахстан?

– Господин Смирнов снова пришел к нам и предложил пожениться до возвращения отчима. Он был очень настойчив и заставил меня поклясться, положив руку на семейную Библию, что, что бы ни случилось, я всегда буду ему верна. Мама сказала, что он совершенно прав, требуя клятву, и что это признак его сильных чувств. Мама с самого начала была на его стороне и, кажется, даже любила его больше, чем я. Потом, когда они заговорили о свадьбе в течение недели, я

начала спрашивать об отчине; но они оба сказали, чтобы я не волновалась об отчине, а просто сообщила ему потом, и мама сказала, что она все уладит с ним. Мне это не очень понравилось, господин Дубровский. Мне показалось странным, что я должна спрашивать его разрешения, ведь он всего на несколько лет старше меня; но я не хотела ничего делать втайне, поэтому я написала отчиму в Астану, где находится офис компании, но письмо вернулось ко мне утром в день свадьбы.

– Значит, он его не получил?

– Да, сэр; потому что он вылетел в Москву как раз перед его прибытием.

– Хм! Это досадное стечение обстоятельств. Ваша свадьба была назначена на пятницу. Она должна была состояться в ЗАГСе?

– Да, товарищ капитан, но все прошло тихо. Венчание планировалось в храме Вознесения, у метро "Проспект Мира", а после – скромный завтрак в ресторане "Метрополь". За нами приехал Артем на такси, но поскольку нас было двое, он усадил нас обеих в салон, а сам сел в каршеринг, который оказался единственной свободной машиной на улице. Мы первыми прибыли к храму, и когда подъехал каршеринг, мы ждали, что он выйдет, но он так и не появился. Водитель вышел из машины и заглянул внутрь – там никого не было! Водитель сказал, что не понимает, как такое возможно, ведь он своими глазами видел, как Артем сел в машину. Это

случилось в прошлую пятницу, товарищ капитан, и с тех пор я ничего не видела и не слышала, что могло бы пролить свет на его исчезновение.

– Похоже, с вами поступили нечестно, – заметил капитан.

– О нет, что вы! Артем был слишком добр и порядочен, чтобы так поступить. Он все утро говорил, что, что бы ни случилось, я должна ему верить. И даже если произойдет что-то совершенно непредсказуемое, что нас разлучит, я всегда должна помнить, что я обещана ему, и что он рано или поздно потребует свое обещание. Станный разговор для свадебного утра, но теперь, после всего случившегося, он обретает смысл.

– Безусловно. Вы полагаете, что с ним произошла какая-то непредвиденная трагедия?

– Да, я уверена. Он предчувствовал опасность, иначе не говорил бы так. И я думаю, что то, чего он боялся, случилось.

– Но у вас нет никаких предположений, что это могло быть?

– Никаких.

– Еще один вопрос. Как ваша мама отреагировала на эту историю?

– Она разозлилась и сказала, что я больше не должна об этом говорить.

– А ваш отец? Вы ему рассказали?

– Да, и он, как и я, считает, что что-то случилось, и что я еще услышу об Артеме. Как он сказал, какой смысл кому-то

было привозить меня к церкви и потом бросать? Если бы он хотел завладеть моими деньгами или жениться на мне и оформить их на себя, в этом был бы какой-то смысл, но Артем был финансово независим и никогда бы не позарился на мои сбережения. И все же, что могло случиться? И почему он не пишет? О, это сводит меня с ума, я не могу спать по ночам. – Она достала из сумки маленький платок и принялась рыдать.

– Я займусь этим делом, – сказал капитан, вставая. – Я уверен, что мы придем к какому-то решению. Переложите эту тяжесть на мои плечи и постарайтесь больше не думать об этом. Прежде всего, постарайтесь забыть Артема, как он исчез из вашей жизни.

– Вы не думаете, что я его еще увижу?

– Боюсь, что нет.

– Тогда что с ним случилось?

– Этот вопрос оставьте мне. Мне нужно точное описание его внешности и любые его письма, которые вы сможете предоставить.

– Я разместила объявление о его поиске в "Вечерней Москве" в прошлую субботу, – проговорила она. – Вот копия объявления, и вот четыре его сообщения из Telegram.

– Благодарю вас. Ваш адрес проживания?

– Улица Академика Королева, дом 17, квартира 45.

– Адреса господина Зубова у вас нет, как я понимаю. Где работает ваш отец?

– Он торговый представитель в компании "Сидоров и Партнеры", крупных поставщиках вина из Грузии, офис на улице Варварка.

– Премного благодарен. Вы очень подробно рассказали. Оставьте здесь документы и помните мой совет. Пусть этот случай останется закрытой страницей и не влияет на вашу жизнь.

– Вы очень добры, господин Волков, но я не могу так поступить. Я буду ждать Арсения. Он найдет меня готовой, когда вернется.

Несмотря на смешную шапку и наивное выражение лица, в искренней вере этой женщины было что-то трогательное, вызывающее уважение. Она положила свою небольшую папку с бумагами на стол и ушла, пообещав вернуться по первому зову.

Глеб Волков несколько минут сидел молча, по-прежнему сложив кончики пальцев вместе, вытянув ноги вперед и устремив взгляд в потолок. Затем он взял со стола свою старую, обгоревшую трубку, которая помогала ему думать, и, раскурив ее, откинулся на спинку кресла. Густые сизые клубы дыма поднимались над ним, а на лице застыло выражение глубокой задумчивости.

– Довольно интересная особа, эта девушка, – произнес он. – Она показалась мне более любопытной, чем ее маленькая проблема, которая, в сущности, довольно обыденна. Если обратиться к моим записям, то можно найти похожие слу-

чай в Твери в 2018 году, и что-то подобное было в Казани в прошлом году. Однако, несмотря на банальность ситуации, в ней есть детали, которые мне показались новыми. Но сама девушка весьма показательна.

– Мне показалось, вы увидели в ней много такого, что осталось для меня незамеченным, – заметил я.

– Не незамеченным, а не замеченным, Игорь. Вы не знали, на что обращать внимание, поэтому упустили все самое важное. Я никак не могу заставить вас понять важность покроя рукавов, выразительность маникюра или важные вопросы, которые могут зависеть от шнурков ботинок. Итак, что вы поняли из внешности этой женщины? Опишите ее.

– Ну, на ней была серая фетровая шляпа с широкими полями и пером терракотового цвета. Ее куртка была черной, с нашитыми черными бусинами и бахромой из мелких черных блесток. Ее платье было кофейного цвета, с небольшим количеством сиреневого бархата на воротнике и рукавах. Ее перчатки были серыми и потерлись на правом указательном пальце. Ее обувь я не заметил. У нее были маленькие круглые золотые серьги, и общее впечатление было довольно благополучной женщины, немного вульгарной, довольной жизнью, беззаботной.

Глеб Волков тихонько хлопнул в ладоши и ухмыльнулся.

– Признаюсь, Игорь, ты делаешь поразительные успехи. Действительно, прогресс налицо. Пусть ты и упустил главное, но метод ты усвоил, и глаз у тебя стал острее. Никогда не

доверяй первому впечатлению, мой друг, концентрируйся на деталях. Я, например, первым делом смотрю на рукав куртки. У мужчин, пожалуй, лучше начинать с колен брюк. Как ты заметил, на рукавах этой дамы был вельвет, а это очень полезный материал для обнаружения следов. Двойная полоса чуть выше запястья, там, где машинистка прижимается к столу, была совершенно очевидна. Электрическая печатная машинка оставляет похожий след, но только на левой руке и на той стороне, что дальше от большого пальца, а не поперек самой широкой части, как в данном случае. Потом я посмотрел на ее лицо и, заметив следы от очков по обеим сторонам переносицы, позволил себе заметить о близорукости и печатании, что, кажется, ее удивило.

– Меня это тоже удивило, – признался я.

– Но, право же, это было очевидно. А потом я был очень удивлен и заинтересован, когда заметил, что, хотя кроссовки, которые на ней были, похожи друг на друга, на самом деле они разные: один с белыми шнурками, а другой – с черными. Один зашнурован только на две нижние петли из пяти, а другой – на первую, третью и пятую. Когда видишь, что молодая женщина, в остальном аккуратно одетая, вышла из дома в разных кроссовках, зашнурованных как попало, нетрудно догадаться, что она убежала в спешке.

– И что еще? – спросил я, как всегда, живо заинтересовавшись пронизательными рассуждениями моего друга.

– Я, между прочим, заметил, что она писала сообщение

перед тем, как уйти, но уже будучи полностью одетой. Ты заметил, что у нее на правой перчатке порван большой палец, но, видимо, не увидел, что и перчатка, и палец испачканы чернилами для принтера. Она писала в спешке и слишком сильно нажала на кнопку. Это должно было быть сегодня утром, иначе след не остался бы таким четким на пальце. Все это забавно, хотя и довольно элементарно, но мне нужно вернуться к делу, Игорь. Не будешь ли ты любезен прочитать мне описание пропавшего Арсения Круглова из объявления?

Я поднес распечатку к свету. «Пропал, – говорилось в ней, – утром четырнадцатого числа, мужчина по имени Арсений Круглов. Рост около ста семидесяти сантиметров; плотного телосложения, смуглый цвет лица, темные волосы, немного лысый на макушке, густые темные бакенбарды и усы; очки с диоптриями, небольшая картавость. Был одет, когда его видели в последний раз, в черное пальто на синтепоне, черный пуховик, золотую цепочку и серые джинсы, с черными ботинками на толстой подошве. Работал в офисе на улице Академика Королева. Любому, кто сообщит», и т. д., и т. п.

– Думаю, этого достаточно, – произнес Максим. – Что касается этих посланий, – он продолжал, перебирая их, – они до смешного тривиальны. В них нет абсолютно ничего, что могло бы указать на господина Соколова, кроме мимолетной цитаты из Достоевского. Но есть один момент, который, уверен, вас заинтригует.

– Они набраны на компьютере, – заметил я.

– Не только это, но и подпись тоже электронная. Взгляните на этот аккуратный "Игорь Соколов" внизу. Видите дату, но нет никаких указаний, кроме улицы Строителей, что весьма расплывчато. Этот факт с подписью очень показательен – я бы даже сказал, решающий.

– В чем?

– Мой дорогой друг, неужели вы не видите, насколько это важно для всего дела?

– Не могу сказать, что вижу, разве что он хотел иметь возможность отрицать свою подпись, если его обвинят в нарушении обещания.

– Нет, дело не в этом. Но я отправлю два сообщения, которые должны прояснить ситуацию. Одно – в компанию в Москва-Сити, другое – отчиму этой девушки, господину Кузнецову, с просьбой встретиться с нами здесь завтра вечером в восемь. Думаю, будет лучше иметь дело с родственниками мужского пола. А теперь, Артем, нам остается только ждать ответов, так что можем пока отложить эту маленькую головоломку.

Я был уверен в остром уме моего друга и его невероятной энергии, когда он брался за дело, и чувствовал, что у него должны быть веские основания для такого спокойствия и уверенности, с которыми он относился к этой странной тайне. Лишь однажды я видел, как он потерпел неудачу, в истории с олигархом и компроматом на него; но, вспоминая

странное дело "Золотого запаса" и необычные обстоятельства "Дела о подмене", я понимал, что это должен быть действительно сложный клубок, чтобы он не смог его распутать.

Я оставил его, попыхивающего своей электронной сигаретой, уверенный, что когда я вернусь завтра вечером, у него будут все ключи к разгадке исчезновения жениха госпожи Светланы.

В тот момент я был занят важным делом в клинике, и весь следующий день провел у постели больного. Только около семи вечера я освободился, вызвал такси и поехал на улицу Академика Королева, немного опасаясь, что опоздаю к развязке этой маленькой тайны. Но я застал Максима одного, полусонного, его длинная, худая фигура свернулась в кресле. Множество банок и колб, с резким запахом реагентов, говорили мне, что он провел день за химическими экспериментами, которые так любил.

– Ну что, разгадал? – спросил я, входя.

– Да. Это был сульфат меди.

– Нет, нет, тайну! – воскликнул я.

– Ах, это... Я думал о проекте с удобрениями, над которым сейчас работаю. Там нет никаких секретов, хотя, как я вчера упоминал, некоторые аспекты довольно интересны. Единственная проблема в том, что, боюсь, закон тут бессилён против этого мерзавца.

– Кто же он, и что он преследовал, бросив Анну Сергеевну?

Вопрос едва вырвался у меня, и прежде чем Олег успел ответить, мы услышали тяжелые шаги в коридоре и стук в дверь.

– Это отчим девушки, Кирилл Петрович Волков, – сказал Олег. – Он писал, что будет в шесть. Войдите!

Вошедший мужчина был плотного телосложения, среднего роста, лет тридцати пяти, гладко выбрит, с загорелым лицом, мягкими, обходительными манерами и парой необычайно острых, пронизательных серых глаз. Он вопросительно посмотрел на нас, положил свою дорогую кепку на комод и, слегка поклонившись, сел на ближайший стул.

– Добрый вечер, Кирилл Петрович, – сказал Олег. – Я полагаю, это письмо от вас, напечатанное на компьютере, в котором вы назначили встречу на шесть?

– Да, именно так. Боюсь, немного задержался, но обстоятельства, знаете ли. Мне очень жаль, что Анна Сергеевна побеспокоила вас из-за этого незначительного инцидента, я считаю, что не стоит выносить сор из избы. Она сделала это против моей воли, но она очень впечатлительная, импульсивная девушка, как вы, наверное, заметили, и ее трудно остановить, когда она что-то решила. Конечно, я не возражал против вас, поскольку вы не связаны с полицией, но неприятно, когда семейные проблемы становятся достоянием общественности. К тому же, это бесполезная трата времени, как вы сможете найти этого Артема Павловича?

– Напротив, – спокойно ответил Олег, – у меня есть осно-

вания полагать, что мне удастся найти Артема Павловича.

Волков резко вздрогнул и выронил свой телефон.

– Рад это слышать, – сказал он.

– Любопытно, – заметил Олег, – что у каждого компьютера есть свои особенности, как и у почерка человека. Если только они не совсем новые, двух абсолютно идентичных не бывает. Некоторые клавиши изнашиваются быстрее других, а некоторые – только с одной стороны. Вот, вы отмечаете в своем сообщении, Кирилл Петрович, что в каждом случае наблюдается небольшое смещение буквы "о" и небольшой дефект в верхней части буквы "д". Есть еще около десятка других особенностей, но эти наиболее заметны.

– Мы ведем всю нашу переписку на этом компьютере в офисе, и, конечно, он немного устарел, – ответил наш гость, пристально глядя на Олега своими маленькими блестящими глазками.

«А теперь, господин Ветров, позвольте продемонстрировать вам одно весьма любопытное исследование», – продолжал следователь Коваль, откинувшись на спинку кресла. «Я даже подумываю о небольшой статье, посвященной пишущим машинкам и их роли в криминальных делах. Этой теме я уделял немало времени. У меня тут четыре письма, якобы отправленные пропавшим человеком. Все они напечатаны на одной и той же машинке. В каждом из них не только стерта буква "е" и отсутствуют нижние хвостики у буквы "р", но, если вы воспользуетесь моей лупой, обнаружите еще че-

тырнадцать характерных особенностей, о которых я упоминал ранее».

Господин Ветров резко вскочил со стула, схватил свою кепку. «У меня нет времени на эти фантазии, господин Коваль, – выпалил он. – Если вы способны найти этого человека, то найдите его и сообщите мне, когда это сделаете».

«Разумеется», – ответил Коваль, подойдя к двери и повернув ключ в замке. «В таком случае, вынужден сообщить, что я его уже поймал!»

«Что? Где?» – воскликнул Ветров, смертельно побледнев и оглядываясь по сторонам, словно загнанная в угол крыса.

«О, это не пройдет, поверьте, не пройдет, – мягко произнес Коваль. – Вам не удастся выкрутиться, господин Ветров. Все очевидно, и это было не слишком умно с вашей стороны – считать, что я не смогу раскрыть такое простое дело. Вот и отлично! Садитесь, и давайте все обсудим».

Посетитель рухнул обратно в кресло с мертвенно-бледным лицом, капли пота выступили у него на лбу. «Э-это ненаказуемо», – пробормотал он едва слышно.

«Боюсь, что это не так. Но, между нами говоря, Ветров, это был жестокий, эгоистичный и бесчеловечный поступок, хоть и мелочный, каких я еще не встречал. А теперь позвольте мне изложить ход событий, и вы меня поправите, если я где-то ошибусь».

Мужчина сидел, сгорбившись в кресле, опустив голову на грудь, словно раздавленный горем. Коваль закинул ноги на

край каминной полки и, откинувшись назад, засунув руки в карманы, начал говорить, казалось, скорее с самим собой, чем с нами.

– Он женился на женщине намного старше, из-за её состояния, – произнёс он, – и пользовался деньгами её дочери, пока та жила с ними. Для них это были огромные деньги, и потеря этой суммы стала бы настоящей катастрофой. Так что, конечно, он делал всё, чтобы этого не допустить. Девушка была добрая, отзывчивая, но при этом с любящим сердцем, так что было ясно: с её милой внешностью и небольшим доходом она недолго останется одна. Её замужество означало бы потерю приличной суммы в год, так что что же предпринял её отчим, чтобы этого не допустить? Он пошёл по самому простому пути: держал её дома, ограничивал общение со сверстниками. Но вскоре он понял, что так продолжаться вечно не может. Она начала бунтовать, требовать свободы и, наконец, заявила, что собирается пойти на бал. И тогда её умный отчим придумал план, более достойный его хитрости, чем его совести. С согласия и при поддержке своей жены он переоделся, скрыл свои пронизательные глаза за тёмными очками, изменил лицо с помощью усов и бакенбард, изменил голос на тихий шёпот и, уверенный в том, что из-за плохого зрения девушки его не узнают, предстал перед ней как некий Игорь Светлов, отваживая других поклонников и оказывая знаки внимания сам.

– Это начиналось как шутка, – пробормотал наш гость. –

Мы не думали, что она так увлечётся.

– Вполне вероятно. Как бы то ни было, девушка была очарована, и, будучи уверена, что её отчим находится в командировке, она ни на секунду не заподозрила обман. Ей льстило внимание этого мужчины, и эффект усиливался восхищением её матери. Затем "Игорь Светлов" стал регулярно навещать её, потому что было очевидно, что дело нужно довести до конца, чтобы произвести нужный эффект. Последовали встречи, помолвка, которая должна была окончательно отвратить девушку от других поклонников. Но обман не мог продолжаться вечно. Эти мнимые поездки в командировку были весьма обременительными. Очевидно, нужно было завершить дело каким-то драматичным образом, чтобы это оставило неизгладимое впечатление в сознании девушки и надолго отвратило её от мысли о других женихах. Отсюда и эти клятвы верности на Библии, и намёки на нечто, что может произойти в день свадьбы. Аркадий Ветров хотел, чтобы Полина Соколова была настолько привязана к Игорю Светлову и настолько неуверена в его судьбе, что в течение многих лет она не захотела бы слушать никого другого. Он довёл её до самой двери ЗАГСа, а затем, поскольку дальше идти не мог, исчез, воспользовавшись старым трюком: вошёл в одну дверь машины и вышел в другую. Думаю, именно так всё и было, господин Ветров!

Наш гость немного приободрился, пока говорил следовательно, и теперь поднялся со своего кресла с холодной усмеш-

кой на бледном лице.

– Может, и так, а может, и нет, господин Тихонов, – процедил он сквозь зубы. – Но если вы такой уж гений дедукции, то должны понимать, что это вы сейчас нарушаете закон, а не я. Я с самого начала не сделал ничего противозаконного. А вот вы, удерживая меня здесь против воли, рискуете получить обвинение в нападении и незаконном лишении свободы.

– Закон, как вы выразились, меня не остановит, – ответил Тихонов, отпирая дверь и распахивая ее. – Но я не знаю человека, который больше заслуживал бы наказания. Если бы у этой девушки был брат или хотя бы друг, он бы вас отлупил как следует. Клянусь всеми святыми! – воскликнул он, увидев презрительную усмешку на лице визитера. – Это не входит в мои обязанности перед моей клиенткой, но у меня тут под рукой трость, и я думаю, что получу удовольствие...

Он сделал пару шагов к трости, висевшей у двери, но не успел до нее дотянуться, как на лестнице послышались торопливые шаги, входная дверь хлопнула, и мы увидели из окна, как господин Артем Ветров со всех ног бежит по улице.

– Вот же хладнокровный гад! – Тихонов расхохотался и снова опустился в свое кресло. – Этот тип будет идти от преступления к преступлению, пока не совершит что-то действительно серьезное и не окажется за решеткой. Это дело, в некотором смысле, было даже интересным.

– Я не совсем понимаю ход ваших мыслей, – признался я.

– Ну, с самого начала было ясно, что у этого господина Игоря Светлова должна быть очень веская причина для его странного поведения. И было также очевидно, что единственный, кто извлек выгоду из этой ситуации, насколько мы можем судить, – это его отчим. Затем тот факт, что эти двое никогда не появлялись вместе, один всегда возникал, когда другого не было, наводил на определенные мысли. То же самое можно сказать и об очках в яркой оправе и измененном голосе – все это указывало на маскировку, как и накладные бакенбарды. Мои подозрения подтвердились, когда он напечатал свою подпись на машинке. Это означало, что его почерк настолько знаком девушке, что она узнала бы даже малейший его образец. Видите ли, все эти отдельные факты, вместе с множеством мелких деталей, указывали в одном направлении.

– И как вы это проверили?

Вычислив маршрут передвижений объекта, подтвердить его личность оказалось делом техники. Я знал название фирмы, где он числился. Взяв распечатанное описание, я отбросил все, что могло быть уловкой – борода, очки, тембр голоса – и переслал его в отдел кадров с запросом, соответствует ли оно кому-либо из их региональных менеджеров. Параллельно я подметил особенности шрифта его сообщений и написал ему на корпоративный адрес, интересуясь, не планирует ли он визит в наши края. Как и ожидалось, ответ пришел на той же машинке, выдав те же самые незначительные, но ха-

рактерные дефекты. Практически одновременно я получил письмо от «Белов и Партнеры» с Пресненской набережной, подтверждающее полное соответствие описания их сотруднику, некоему Артему Ветрову. _Voilà tout_!

— А как же госпожа Сазонова?

— Если я ей открою правду, она мне не поверит. Помнишь старую дагестанскую поговорку: «Опасен тот, кто играет с медвежонком, но еще опаснее тот, кто отнимает иллюзии у женщины». В Расуле Гамзатове мудрости не меньше, чем в Эразме Роттердамском, и понимания жизни хоть отбавляй.

IV. ТАЙНА ПРИОЗЕРСКОГО РАЙОНА

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.